

ДМИТРИЙ БЫКОВ
Письма счастья

Дмитрий Быков

Письма счастья

Политические сатиры

«Геликон Плюс»
Санкт-Петербург
2005

Быков Д.

Письма счастья: Политические сатиры. — «Геликон Плюс»: Санкт-Петербург, 2005 — 176 с.

ISBN 5-93682-219-2

Художник Владимир Камаев

© Быков Д., текст, 2005

© «Геликон Плюс», оформление, 2005

От автора

Сочинять статьи в стихах — или, если угодно, газетные стихи на случай, — я начал летом 1996 года, почти десять лет тому назад, по той единственной причине, что мне стало невыносимо скучно писать политическую биографию Чубайса. Так уж получается, что почти все в современной России началось с него, и все претензии, пожалуйста, к нему: он все равно непотопляем. Я редактировал тогда ежемесячную вкладку «Нет!» в родном «Собеседнике» и должен был в каждом ее выпуске окарикатуривать какого-нибудь политика первого ряда. В тысячный раз пересказывать общеизвестные факты биографии Чубайса мне показалось бессмысленным, ничего особо секретного я про него не знал и решил возместить недостаток эксклюзива некоторой экстравагантностью формы. Получилась ода Чубайсу с подробным изложением истории про знаменитую коробку с ксероксом, волшебным оказавшуюся последним гвоздем в гроб коммунизма. Превратить коробку в гвоздь и тогда, и теперь способен только один россиянин. Ода понравилась, и многие в редакции повторяли: «Прославлен будь за то, что третьего числа рука Всевышнего Отечество спасла!». С тех пор четырехстраничная газета «Нет!» ежемесячно украшалась большим портретом героя месяца и соответствующим стихиком.

Когда в 1998 году вкладка перестала существовать, поэтическая рубрика уцелела и сделалась еженедельной. Заводить штатного газетного поэта стало модно: «Комсомольская правда» изобрела своего Дормидонта Народного, который, отдав ему должное, выдает иногда очень хорошие стихи (насколько мне известно, за него, как и за Евгения Сазонова, работают несколько человек по очереди). Одновременно Игорь Иртенев очень удачно осуществлял функции

Правдоруба в программе Виктора Шендеровича «Итого». Потом, во времена «Бесплатного сыра», прибавились частушечники. С 2004 года в «Огоньке» у меня завелась сначала прозаическая, а потом и поэтическая рубрика «Письмо счастья»: название ее произошло от фельетона, в котором предлагался проект типового покаянного письма для олигархов. Потом «письмами счастья» стали называть все стихотворные фельетоны на заданную тему. Так получилось, что я стал сочинять два политических стишка в неделю.

Иногда — примерно через раз — «герои недели» и «письма счастья» получаются несмешными, потому что бесперебойно работает только машина, и то не всякая; в конце концов, я сделан в СССР. Винить во всем меня тоже не резон, потому что не каждую неделю происходит событие, о котором можно написать смешно. В эту книжку, которую мне любезно предложил собрать любимый писатель и издатель Александр Житинский, я включил только то, что мне нравилось при написании и до сих пор не разонравилось. Некоторые тексты требуют комментариев, поскольку повод забылся, и я по возможности кратко объяснил сегодняшнему читателю, в чем было дело.

Не думаю, что жанр нуждается в оправданиях, — но практически все, кто в нем работал, только и делали, что оправдывались. Маяковский претерпел больше других и соответственно огрызался злее: «О бард, сгитарьте тайрарайра нам! Не вам строчить агитки хламовые! — И бард поет, для сходства с Байроном на русский на язык прихрамывая». Это он приложил Уткина, агиток действительно не писавшего — почему всякого рода газетность и проникала иногда в его серьезную лирику. Я ни в коем случае не равняю себя с титаном, но мне тоже регулярно приходилось оправдываться за то, что я умею больше, чем следует. В отечественной традиции, особенно во времена упадка, престижно уметь меньше. Разговоры о том, что авторы агиток (реклам, «датских» стихов, плакатов) prostituiруют Музу, идут с тех пор, как появилась политическая сатира. Говорят это, как правило, те, кому не только сатира, но и лирика дается с трудом. Поэта, пишущего что-то, кроме лирики, вечно называют ремесленником и поденщиком — но исходят эти обвинения обычно от людей, ничем

не доказавших своего права делать замечания кому бы то ни было. Все это не отменяет отвращения к поденщине и периодически возникающего желания плюнуть на еженедельные окна РОСТА — тем более, что и роста никакого нет, сплошная деградация на всех фронтах, — но думаю, что кое-как сохранять форму в дни и месяцы, когда не пишется, мне помогали именно газетные стихи. Страшно сказать, сколько рифмованной публицистики я напечатал бы, если б не этот отводной канал. Писать в рифму вообще полезно, это гармонизирует жизнь и повышает самоуважение. Наверное, в иное время я занимался бы поэтическими переводами, но сегодня они никому особенно не нужны (и слава Богу); и потом — излагать в стихах собственные мысли все-таки лучше для психики, чем предлагать чужие.

В армии мне тоже приходилось иногда сочинять стихи на заказ — скажем, писать что-то смешное в дембельские альбомы друзей; после собственного дембеля я собрал самодельную книжку «Не торговал я лирой, но бывало». Например, наш повар был влюблен, я сочинял стихотворные послания его девушке-башкирке и всегда мог рассчитывать на вторую порцию — нимало не стыжусь этого заработка, поскольку послания были недурны. Что касается газетных стихов, здесь я никогда не торговал лирой, и это еще одно важное преимущество поэтической формы: даже политическую агитку невозможно как следует написать против собственных убеждений. Именно поэтому я с такой невинной радостью выслушиваю соображения своих многочисленных оппонентов, свято убежденных, что мне платит Кремль, ФСБ и лично Глеб Павловский. Переубеждать этих людей я не стану, потому что переубеждать не в чем: в глубине души они — особенно если лично со мной знакомы — отлично все понимают. Это у них такой полемический прием. С годами у меня завелись свои полемические приемы — например, игнорировать любые разговоры о моей продажности: они неизбежны, скучны и бездоказательны. Поэзия, как говорил Мандельштам, — сознание своей правоты, и касается это отнюдь не только стихов вроде «Я помню чудное мгновенье», но и двустихия «Лучше сосок не было и нет, готов сосать до старости лет». Под всеми стихами, опубликованными в «Собеседни-

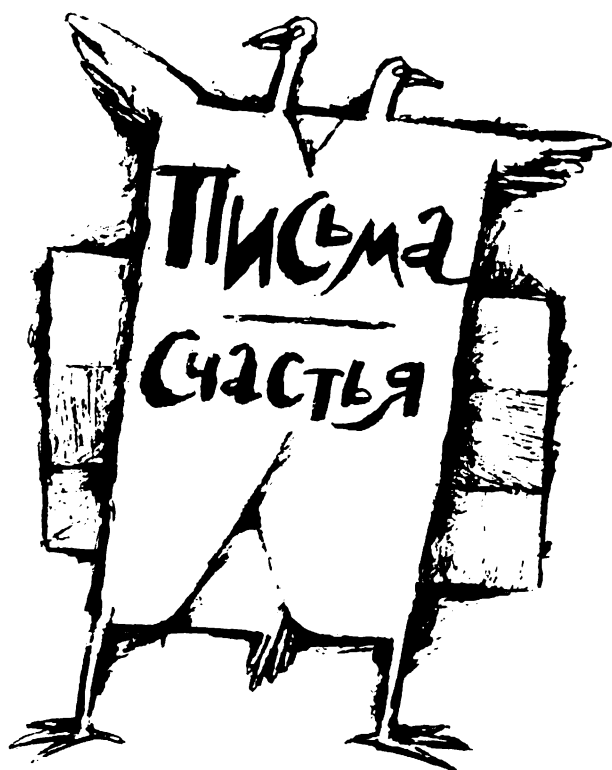
ке» и «Огоньке», я и сегодня радостно подписываюсь, хотя нравятся мне далеко не все.

Само собой, это не Бог весть что. С так называемой серьезной лирикой я их не сравниваю. Впрочем, она тоже не Бог весть что. Мы почему-то охотно признаем за поэтом право всего на два агрегатных состояния: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон» — и, стало быть, когда требует. Пока поэт Аполлону без надобности, «из детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он» — но по первому звуку боевой трубы (или лиры, или пастушеского рожка — чем там нас скликает Аполлон?) это ничтожество бежит на берега пустынных волн, в широкошумные дубровы, оглашая эти последние гармоническими воплями. Между тем Аполлон иногда требует поэта вовсе не к священной жертве, но к обычной тренировке поэтических мускулов, или к поэтическому соревнованию, или к мелкой поденной работе санитарно-гигиенического свойства, типа помыть горшки или высечь мерзавца. Поэты, высокомерно брезгующие такими поручениями, могут зарабатывать на жизнь брокерством, рекламой, преподаванием, имиджмейкерством или сочинением аналитических записок, если это кажется им более возвышенным, нежели «датская лирика». Каждый обеспечивает себя, как может. Вийон, например, вообще воровал — хотя, как показывает «Баллада состязания в Блуа», не брезговал и стихами на заказ. Давид Самойлов лаконически учил молодых: «Надо уметь все».

Когда я сочинял эти стихи, мне было весело. Читателю, который вместе со мной вспомнит о некоторых героях и событиях нашей недавней истории, тоже будет весело. За это я ручаюсь. И не только потому, что в своих поденно-ремесленных способностях уверен гораздо больше, чем в лирических или эпических, — но и потому, что эта самая история была уж точно веселей, чем всякая любовь-морковь, о которой я писал в свободное от работы время.

*Дмитрий Быков,
Москва, май 2005.*

ДМИТРИЙ БЫКОВ

ОДА ГОДА

(Декабрь 1996. Борис Ельцин по итогам опроса «Собеседника» назван человеком года после победы на президентских выборах и шунтирования. Второе место занял Александр Лебедь)

Борис, Борис! отец народа!
Ты вновь себя переизбрал!
Уж подлинно фигура года —
Ты, а не Лебедь-генерал.
Пускай ты прежде был несносен,
Страну дуря, Чечню поправ, —
Ты твистовал, как Женя Осин!
Теперь ты трезв! а значит, прав!

И мы, нагие и босые,
Прощали все твои грешки,
Пока ты ездил по России,
И пел хиты, и бил горшки!
И красный пояс покорился,
Все голоса тебе отдав...
Зюганов искоса ярился,
Но ты — не он! и этим прав!

О да, ты правил бестолково,
И щедро тратил черный нал,
И летом предал Коржакова,
А после Лебеда погнал, —
Но над придворными шутами
Ты высишься, как грозный зав,
Спасенный новыми шунтами!
Борис, ты жив! А значит, прав!

Ликует русская природа,
Анпилов никнет головой!
Борис, ты стал фигурой года
Уж тем одним, что ты живой!
Забившись в щели половые,
Со страхом новых ждем забав.
Но, слава Богу, мы живые!
Ура, Борис! Кто жив, тот прав!

УБЕЖЕНЦЫ

(Январь 1999)

Ветры Родины дуют режуще,
Но и мы всегда начеку.
Политическое убежище
Обещают дать Собчаку.
У Отечества память девичья:
Заезаешься — прогоришь...
Приютила Польша Станкевича,
Собчака приютит Париж.

Пусть на Родине время скверное —
Бог не выдаст, свинья не съест.
Вон Чубайс присмотрел, наверное,
Для убежища пару мест...
Только красный душок усилился —
Поредели наши ряды.
Вон в Америку Кох намылился
(Но его не берут туды).
Березовский глазами острыми
Смотрит, бьют уже иль не бьют, —
И, надеюсь, на личном острове
Обеспечит себе приют...
И Гайдару в российском климате
Трудно высидеть лишний час...
На кого же вы нас покинете?
То есть кинете в сотый раз?

Так и вижу, как в небе матовом,
Золотистом, как первый блин,

Реформатор за реформатором
Пролетают, как птичий клин.
Со своей идиотской верою
В русский путь, которого нет,
Все Отечество Шейкой Серою
Машет с проруби им в ответ.
Будьте счастливы, где получится,
Благодетели и отцы!
Пожелайте нам меньше мучиться
Перед тем, как отдать концы.

СТАРИК БЕРЕЗОВСКИЙ

Подражание БГ

(Март 1999)

Лишился работы старик Березовский,
Пронырливый, как коростель.
Сказал ему Ельцин: «Ступай, Березовский!» —
И рухнул обратно в постель.
Давно ль Березовский дружил с аксакалом
И ездил к минчанам, как гость?
А ныне он выброшен думским шакалам,
Как некая старая кость.

Вот раньше, бывало, гулял Березовский,
Пронырливый, как бурундук!
На дочь президента скопил Березовский
Большой компромата сундук.
Он выглядел сильным, богатым, свободным.
И всякий его уважал!
Вручал он «Триумфы» кумирам народным,
Чем дюжину враз ублажал...

Но злил очевидцев старик Березовский,
Как старец из песни БГ.
Искусство интриги любил Березовский
Сильней, чем дела СНГ.
Зюганов с Илюхиным, марксовы внуки,
Его отпихнули от дел.
Ползет Березовский, мокры его брюки, —
Но это отнюдь не предел!

Не верьте, что сброшен старик Березовский,
Пронырливый, как козодой.
Он только по виду старик Березовский,
А так он еще молодой!
И Гена Зюганов, и Юра Московский
Еще не постигли азов:
Чтоб тазом накрылся старик Березовский,
В России не хватит тазов!

ОДА НА ВОССОЗДАНИЕ СССР

(Апрель 1999)

Приземлиться не успев,
Храбрость сербскую воспев,
Восхитившись войском рьяным,
Подкрутив незримый ус,
Спикер стал носиться с планом
Взятья Сербии в Союз.

Уж и так одной рукой
Мы братаемся с Лукой,
Белоруссию родную
Обнимая за плечо, —
Сунем Сербии другую!
То-то будет горячо!

Ах, какой союз славян
Нам устроит Слободан!
Впрочем, ежели сливаться
В антизападный барак —
Нам, для полноты славянства,
Взять бы Кубу и Ирак.

Вот он, наш советский герб:
Справа Кастро, слева серб,
Все глядят благоговейно
На курящего кальян
Прибалдевшего Хусейна —
Гордость западных славян!

Всех, Россия, прибратай!
Позови еще Китай!
Европейцы и евреи
Дружно писаются при
Виде Северной Кореи:
Там-то сплошь богатыри!

О, какой славянский блок
Создадим мы, видит Бог!
Как проснемся с ранней рани,
Как напьемся разной дряни,
Как прицелимся по пьяни,
Как пальнем для красоты —
Белорусские славяне,
Африканские славяне,
Азиатские славяне...
Тут уж точно всем кранты.

ДУЭТ

(Май 1999)

ЕЛЬЦИН:

Ах, встаньте, это неприлично!

ПРИМАКОВ:

Не встану! Выслушай, родной:
Ты на балу вчера публично
Не поздоровался со мной.
Ты лгал: «Не вбить меж нами клина!».
А ныне — горестная мина,
Угрюмый взор, увядший цвет..
Я надоел тебе?

ЕЛЬЦИН (*с досадой*):

Да нет!

ПРИМАКОВ (*со страстью*):

Ты обо мне плохого слова
Не говорил по месяцам!
Быть может, выбрал ты другого,
Как это свойственно самцам?
Быть может, ты прельщен Сережей?
Моя удача отнята
Моим же замом с круглой рожей
И гордой формою мента!
Быть может, в старости причина
Заката Жениной звезды?
Борис! Стареющий мужчина
Не портит русской борозды!

Иль, отогнав меня со свистом,
Моих контактов с коммунистом
Боишься ты? Скажи, мой свет, —
И я их брошу!

ЕЛЬЦИН (с раздражением):
Нет и нет!

ПРИМАКОВ (в отчаянии):
Так молви просто, в чем же дело?
Вспомни преданность мою!
Я весь горю! Я твой всецело!

ЕЛЬЦИН (смущенно):
Я просто вас не узнаю.
Я вижу, вы умны, толковы,
Любовь вам тоже не чужда,
Но я не в силах вспомнить, кто вы...

ПРИМАКОВ (с надеждой):
Забыл фамилию?

ЕЛЬЦИН (кивая)
Да-да!

ПРИМАКОВ (с облегчением):
А я-то думал — случай скверный...
Какой урок для простаков!
Я — Примаков! Премьер твой верный!

ЕЛЬЦИН (потряя лоб):
А, вспомнил! Здравствуй, Примаков!

ПОЖАРНЫЙ СЛУЧАЙ

*(Весна 1999. После знаменитого «Не так сели!» Сергей Степа-
шин делается первым кандидатом на роль премьера, а пока в
качестве первого вице-премьера отвечает за региональную
политику).*

ЕЛЬЦИН:

Проблем в России — миллионы,
Куда ни кинь — кругом беда.
Я брошу вас на регионы.
Вы слово знаете?

СТЕПАШИН *(неуверенно)*:

Ну да...

ЕЛЬЦИН:

Не стоит паре умудренных
Терять покой из-за фигни.
Ну что нам в этих региогнах?
Я сам не помню, где они.
Мой друг, момент сейчас ударный.
Пошла протестов череда.
Ведь вы, мне кажется, пожарный
По первой должности?

СТЕПАШИН *(неуверенно)*:

Ну да...

ЕЛЬЦИН:

Так вот. Я не хотел бы шуму,
Но вам замечу, юный друг:
А если вдруг разгонят Думу?
Конечно, нет. Но если вдруг?

Кто наведет покой в столице,
Стабилизирует страну?
Вы — силовик и первый вице.
Так вы бы справились?

СТЕПАШИН *(в ужасе)*:
Да ну?!

ЕЛЬЦИН:
Сперва поднимут пояс красный,
Потом другие города...
Момент действительно опасный.
Вы мне поможете?

СТЕПАШИН *(неуверенно)*:
Ну да...

ЕЛЬЦИН *(вкрадчиво)*:
Продолжим. Я, конечно, снова
Россию в кризис не втяну,
Но если... смена Примакова
В связи с импичментом...

СТЕПАШИН *(в ужасе)*:
Да ну?!

ЕЛЬЦИН:
А что такого, друг мой ситный?
Подумаешь, герой труда!
К чему он нам, радикулитный?
К чему компартия?

СТЕПАШИН *(неуверенно)*:
Ну да...

ЕЛЬЦИН:
И вот тогда рукой железной
Я всех схватить не премину,

И в этом деле, друг любезный,
Вы мне поможете.

СТЕПАШИН *(в ужасе)*:
Да ну?!

ЕЛЬЦИН:
Конечно, нет! Не для того же
Я вас позвал и обласкал.
И вы поверили, Сережа?
Я это только допускал!
Ведь вы политик небездарный,
Не зря милиция горда...
(шепотом)
Но вдруг... на всякий... на пожарный...
Вы понимаете?

СТЕПАШИН:
Ну да!
Я — все, что скажут! Я — без звука!
Я — не на смерть, а на живот.
Пример меня — другим наука.
Я — ваш единственный!

ЕЛЬЦИН *(удовлетворенно)*:
Ну вот.

ЮБИЛЯР

(Июнь 1999. Двухсотлетие Пушкина).

Виват! Пред славным юбилеем
Страна трудилась день-деньской.
Залит отборнейшим елеем
Кумир зеленый на Тверской,
Кумиру чистят бакенбарды,
Палят из пушек, жгут петарды,
Над кучерявой головой
Виется дым пороховой,
И все родное Хаммурапи —
Дядья без правил, голь, ворье,
Семья и присные ее, —
Повисли на одном арапе:
Вцепились с воплем “Погоняй!”
И мыслят ехать прямо в рай.

И с кепкой мэр, и Лебедь Саша,
И первых вице череда
Кричат: он наше все! он наше!
Все, да не ваше, господа.
И мэр, и нищий в переходе
Равно чужды его природе;
И от братка, и от бомжа
Он отвернулся бы, дрожа.
И русопят, и гордый горец,
И воин, что пред ним дрожит,
И профессиональный жид *,
И самоучка-жидоборец —

---

* К сожалению, при Пушкине это называлось именно так.

Все чернь. А впрочем, белизна
У нас не менее грязна.

Но наш поэт, любивший славу,
Не отказался б от венка.
Ему, я думаю, по нраву,
Что треплют лавры старика,
Что не на нужды жизни низкой
Собирают денежку подпиской,
А на издание плодов
Его михайловских трудов,
Что новое запомнит слово
Юнец, который в двадцать лет
Знал только слово "Интернет";
И наконец, что не Лужкова,
Не Коха, не Бородина
Так пышно чествует страна.

Прости, поэт. Но если после
Всех этих воплей и пальбы
Души, коснеющей в коросте,
Коснется жар твоей судьбы,
И тот, кто был тупой скотиной,
Запомнит только звук единый,
И слово сможет уколоть
Его жиреющую плоть,
И тайным веяньем иного,
Таинственного бытия
Строка единая твоя
Иль хоть единственное слово
Смутит царей, проймет псарей, —
Не зря и этот юбилей.

КРИЗИС В ГОЛОВЕ

(Июнь 1999)

*«Никакого кризиса я не заметил.
Кризис не в правительстве, а в головах журналистов»,*

Н. Аксененко после отставки М. Задорнова
и своего назначения вице-премьером

Первобытного капитализма
Мне не страшен кровавый оскал!
Субъективного идеализма
Я спасительный путь отыскал.
Я-то думал, во власти — калеки,
Параноик — царем на Москве...
Но отныне утешен навеки:
Это все у меня в голове!

Я-то думал — в правительстве кризис,
В Думе тупость, в стране воровство,
А Степашин, жестоко унизясь,
Принял замом незнамо кого,
Я-то думал — возвышен безликий
Подхалим, интриган, шестерня...
Но открылся мне принцип великий:
Это все в голове у меня!

В головах у нас — смена правительств,
Страх погромов, позор нищеты
И любой домотканый провидец
Что ни день предвещает кранты.

Но велите играть музыкантам,
Бейте в бубны, дудите в дуду,
Потому что Аксененко с Кантом
Объяснили нам эту беду.
Все зависит от нашей же воли —
Так применим же волю свою!
Оторвем себе головы, что ли, —
И окажемся тут же в раю!

ИСКУШЕНИЕ

Мистерия

(Август 1999. Григорий Явлинский пытается блокироваться с Сергеем Степашиным, которого Борис Ельцин только что отправил в отставку с премьерского поста).

Сцена изображает райский сад. из кустов выползает Явлинский в обличе змея, сжимая в зубах яблоко. Перед ним стоит Степашин в костюме Евы. Сверху за ними наблюдает Ельцин.

ЯВЛИНСКИЙ:

Покушай яблочка, Степаша!

СТЕПАШИН:

Мне как-то стыдно в первый раз...
Тебя не любит мой папаша!

ЯВЛИНСКИЙ:

Да нам папаша не указ!
Ты словно заново родишься,
Со мною яблоко грызя!

СТЕПАШИН:

Не смею...

ЯВЛИНСКИЙ:

В девках засидишься!

СТЕПАШИН:

Я офицер, и мне нельзя.

ЯВЛИНСКИЙ (пылко):

Гляди — сезон любви в разгаре,
Цветут цветы, шумит листва!

Уже и ненцы, и татаре,
Буряты, чуячи и мордва
Вовсю блокируются вольно,
Уподобляясь голубым!
Взгляни на Юру *! Сердцу больно!
Пошел вразнос, готов с любим...
Другие — сразу же за сиськи,
А я-то знаю этикет!
Ведь я могу и место в списке...

СТЕПАШИН:

Какое?

ЯВЛИНСКИЙ:

Ну... Второе...

СТЕПАШИН:

Нет.

ЯВЛИНСКИЙ:

Да ну! Не бойся провокаций!
Забудь тоску, утри слезу,
Я для дальнейших консультаций
К тебе назавтра приползу. *(Уползает.)*

ЕЛЬЦИН *(сверху)*:

Уполз, подлец, и Богу слава.
Что значит воинская честь!
Ступай, Степашенька, направо,
Не дай в соблазн себя завести.
Ишь, искуситель, ишь, предатель!
Но мы не рухнем в грязь лицом.
Что за комиссия, создатель,
Быть этой нации отцом!

---

* Юрий Михайлович Лужков тогда долго выбирал, с кем бы ему пойти на выборы, и наконец уломал Е.М.Примакова

ЖЕСТКИЙ КУРС

(Сентябрь 1999. После московских взрывов риторика власти резко ужесточается)

На авансцене — президент, премьер, правительство России и мэр Москвы. Слышен взрыв.

ПУТИН:

Опять в долине Дагестана
Идут упорные бои.
Бойцы из вражеского стана
Ввели орудия свои.
Два дня даю, чтоб в эти сроки
Войскам сдались боевики.
Мы будем яростно жестоки
И пуще прежнего жестки!
(Гремит взрыв.)

СЕРГЕЕВ:

Ого! Кажись, в горах рвануло.
Там у чеченцев целый штаб.
На Дагестан наставил дуло
Гасан Абдурахман Хаттаб.
Но чтоб исламские пророки
Золой посыпали виски,
Мы будем дьявольски жестоки
И сверхъестественно жестки!
(Гремит взрыв.)

ПАТРУШЕВ:

Ого! Чеченских безработных
Сманили долларом в войска.

На этот раз взорвался Ботлих.
Война действительно близка.
Но чтоб из нас не жали соки,
Страну не рвали на куски —
Мы будем мерзостно жестоки,
А также дерзостно жестки!

(Гремит взрыв.)

ЛУЖКОВ:

Ого! Заходит ум за разум.
Но мы в ближайшую же ночь
Войну объявим черномазым,
Иногородних вышлем прочь!
Они от скорби втянут щеки,
От страха обосрут носки!
Мы будем больше чем жестоки
И офигительно жестки!

(Гремит взрыв.)

ЕЛЬЦИН:

Ого! Решительные меры
Не помогают до сих пор. .
Сторонники исламской веры
Уже не видят нас в упор.
Но чтобы высушить истоки,
Но чтобы вытоптать ростки,
Мы будем бешено жестоки
И потрясающе жес...

*(Гремит взрыв, все рушится, из под обломков доносится
голос Ельцина):*

...тки!

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОДА

(Сентябрь 1999)

Пока вокруг опасности таятся
И вся страна дежурит до шести,
Министра чрезвычайных ситуаций
Хочу воспеть и к власти привести.
Но так как я придумать рифму к «Шóйгу»
При всем своем таланте не могу,
То вместо установленного «Шóйгу»
Я буду называть его «Шойгу».

Отечество мое, как идиота,
Приходится спасать сто раз на дню.
Здесь есть одним спасателям работа —
Все прочие давно пошли ко дну.
Упал ли дом, нашли в крупе взрывчатку,
Жарю выжгло тундру и тайгу,
Без топлива оставили Камчатку —
Везде спешат спасатели Шойгу!
Старик забыл, где выход из сортира,
Ребенок ли объелся творогу,
Открылся свищ, закрылась ли квартира —
К тебе спешат спасатели Шойгу!
В моей стране, где даже к честной власти
Относятся как к злейшему врагу,
Избавить ситуацию отчасти
Способны лишь спасатели Шойгу!

Поэтому пора, не отлагая
До будущего лета этих дел,

Избрать его, Отчизна дорогая,
Чтоб он один с тобою овладел.
Его ребят я не устану славить,
Его бойцам — приветствия писать...
Америкой, быть может, можно править,
Но Родину давно пора спасать.

БИТВА ТИТАНОВ

(Октябрь 1999. Информационная война Гусинского с Березовским, Семьи с ОВР, «Итогов» с «Программой Сергея Доренко»)

На авансцену выходят Сергей Доренко с противотанковым ружьем. Следом за ним из-за кулисы Евгений Киселев выкапывает тяжелую шарманку.

ДОРЕНКО (аккомпанируя на противотанковом ружье):

Лужков — супруг своей жены,
Он муж Батуриной Елены,
И все Батурины страны —
Его семьи огромной члены!
Никто доселе не раздул
Разоблачения такого!
Мне кнопку бросили на стул,
И это происки Лужкова!

КИСЕЛЕВ (заводя шарманку):

А Ельцин старый и больной,
Он стал посмешищем для мира,
Четвертый год рулят страной
Его семья и два банкира!
Один — Роман, другой — Мамут,
Татьяна их гоняет шваброй...
Меня, наверное, убьют
За то, что я ужасно храбрый!

ДОРЕНКО (стреляя в воздух):

Лужков привык грозить Кремлю,
Прикрывшись честною личиной!
Его я в Африку сошлю,
Переодев его мужчиной!

Лужков и Пакколи — друзья.
Мэр не сказал о том ни слова.
В Испании объелся я,
И это происки Лужкова!

КИСЕЛЕВ (*крутя шарманку*):
А Ельцин старый и больной,
Системный кризис абсолютен,
Правитель нужен нам иной,
И до весны сгодится Путин,
А там «Отечества» отцы
Народ возглавят очумелый...
Боюсь, что мне придут концы
За то, что я ужасно смелый!

ДОРЕНКО (*разражаясь градом выстрелов*):
Лужков — чудило из чудил.
Кот испугался попугая!
Сначала дело возбудил,
За клевету меня ругая,
Но после двух недель возни
Его закрыли бестолково.
Я на свободе, черт возьми,
И это происки Лужкова!

КИСЕЛЕВ (*вертя ручку*):
А Ельцин старый и больной!
Он говорит с ужасным хрипом!
Помимо всяких параной,
Он третий год болеет гриппом!
Отшибло ум у старика,
Он разгребает хлам бумажный...
Меня убьют наверняка
За то, что я такой отважный!

ДОРЕНКО (*стреляя*):
Лужков — пахан и крестный дон!

КИСЕЛЕВ *(играя)*:
Дьяченко — в роли кардинальши!

ДОРЕНКО:
Услать Лужкова за кордон!

КИСЕЛЕВ:
Отправить Ельцина подальше!

ДОРЕНКО:
Московской мафии — капут!

КИСЕЛЕВ:
Семья к отпльтию готова!
Меня убьют! Меня убьют!

ДОРЕНКО:
И это происки Лужкова!

И НЕМЦОВ!

(Октябрь 1999. Сорокалетие Бориса Немцова)

Немцов — политик необычный,
Мужчина истинно публичный,
Вулкан, холера, смерч, комета.
Грома немцовских эскапад
Всю бесполезность кабинета
И тупость Думы искупят.

С ним вечно что-то происходит.
Неутомимо колобродит
От Нижнего до Одинцова
Его неукротимый дух;
О чем молчат друзья Немцова —
Он проговаривает вслух.

То в исступлении высоком
Он на экране плещет соком,
Чуть не бросается на Жири
И скалит зубы в кураже —
И популярность много шире
Его становится уже.

То вдруг для женского журнала,
Где каждый лист блестит от сала,
Публично он играет в теннис,
И живописно морщит лик,
И свой нахваливает разум,
Который истинно велик.

А то, на фоне рыже-сером
Задлавшись вторым премьером,
Он после паузы недолгой,
К восторгу женщин и властей,
Внезапно наезжает «Волгой»
На иномарки всех мастей.

А то, от счастья кумачовый,
На дне рожденья Пугачевой,
Зажатый меж бездарным клипом
И воем бешеных юнцов,
Кричит, что Алла спит с Филиппом
За то, что внешне он — Немцов.

Когда в верхах сплошные совы —
Как славно выглядят Немцовы!
Все симметрично в этом мире,
Как мы слышали от отцов:
У красных — Марычев и Жири,
У нас — стремительный Немцов!

Цвети, Борис! Швыряйся соком!
Служи примером и уроком!
Трудись, из Нижнего приехав, —
И мы с тобой, в конце концов,
Обгоним негров, венгров, чехов,
Американцев и немцов!

НОВАЯ РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

(Октябрь 1999. Создание партии «Единство» во главе с Шойгу, Карелиным и Гуровым.)

Сцена изображает съезд партии «Единство». К микрофону по очереди выходят главные заединчики.

ШОЙГУ:

Как это делают обычно,
Сходясь с противником в бою,
Мы обнародуем публично
Идеологию свою.
Она у нас ясна, как смета,
Проста, как гайки закрутить:
Мы это, это!
За все хорошее, етить!

(Бурные, продолжительные аплодисменты.)

КАРЕЛИН:

Мой спич, друзья, не будет долог.
Вот так, язви его в торец!
Я вообще не идеолог,
Я, это самое, борец!
«Единство» наше — чудо света,
Здесь пахнут лучшие умы.
Мы это, это!
А что не это — то не мы!

(Овация.)

ПУТИН:

Друзья! Не станем вязнуть в спорах.
К чему нам это баловство?

У власти много тех, которых,
Которых надо бы того!
Во избежание распада,
Для поддержания труда
Мы будем делать так, как надо,
А как не надо — никогда!
Еще до окончания лета
Мы ликвидируем бардак.
Мы это! Да! А кто не это —
Того мы так, и так, и так!
(Бурная овация. Все встают.)

ХОР ИЗБИРАТЕЛЕЙ:

Вот это да, туда-обратно!
Вот это, блин, туда-сюда!
Вот это просто! Это внятно!
Вот это дело, господа!
Теперь пускай дрожит планета,
У мира сдвинется чердак!
Имейте нас и в то, и в это,
А после так, и так, и так!

НЕРАЗДЕЛЕННОСТЬ

(Октябрь 1999. Отстаивленный полгода назад Евгений Примаков отказался посетить Бориса Ельцина по его приглашению, поскольку «не разделяет его политики».)

*Сцена изображает кремлевский кабинет Ельцина.
Ельцин, один, перед телефонами.*

ЕЛЬЦИН *(набирая номер):*

Евгения Максимыча... Приветствую!
Все больше неприятностей в стране.
Правительство бессильно, сам я бедствую...
Вы, может быть, заедете ко мне?

ГОЛОС ПРИМАКОВА *(в трубке):*

Как сообщают наши аналитики,
Нам видется сегодня ни к чему.
Не разделяю вашей я политики
И приглашенья, значит, не приму.

ЕЛЬЦИН *(в тоске берет за другую трубку):*

Алло, алло! Мне Александра Стальича...
Изволь тут править бандой чудаков...
Вы, Александр? Ко мне, представьте, давеча
Приехать отказался Примаков!

ГОЛОС ВОЛОШИНА *(в трубке):*

Что ж, значит, он не принял вашей критики.
И впрямь, вы гнали полную пургу...
Не разделяю вашей я политики,
А потому приехать не могу.

ЕЛЬЦИН (*гневно берясь за другую трубку*):
Ну ладно, не хотите — не участвуйте.
Я научу вас задницу лизать!
Мне Путина! Товарищ Путин, здравствуйте!
Волошина бы надо наказать!

ГОЛОС ПУТИНА (*в трубке*):
Владеть страной не могут паралитики.
Вам обратиться лучше бы к врачу.
Не разделяю вашей я политики,
А потому приехать не хочу.

ЕЛЬЦИН (*хватаясь за следующую трубку*):
Ну, дожили! Как это называется?!
Я головы начну рубить сплеча!
Но раз никто ко мне не вызывается,
Я для начала требую врача!

ГОЛОС ВРАЧА (*из трубки*):
Он требует чего-то, поглядите-ка!
Еще и угрожает, посмотри!
Но ваша мне не нравится политика,
А потому звоните-ка «ноль-три»!

ЕЛЬЦИН (*хватаясь за следующую трубку*):
Ну, выдалась же мне лихая ноченька!
Вот так и прибавляется седин...
Алло, алло! Танюша? Слушай, доченька,
Иди сюда, я тут совсем один!

ГОЛОС ДЬЯЧЕНКО (*в трубке*):
Ну что вы, папа, ноете, как нытики!
Ну что вы закусили удила!
Не разделяю вашей я политики,
И вообще тут у меня дела!

ЕЛЬЦИН (*закрывая лицо руками*):
Ну, вот и будь главою после этого!
За счастье всенародное борись!

Оставили больного и раздетого...
Как ты дошел до этого, Борис?!

ВНУТРЕННИЙ ГОЛОС ЕЛЬЦИНА:
А между прочим, зря слезами давишься,
Рыдая, как под действием паров.
Ты мне и самому давно не нравишься.
Спасайся, как умеешь. Будь здоров.
(Умолкает.)

КРОВАВЫЕ БУТЕРБРОДЫ

(Октябрь 1999. Александр Коржаков обнаружил свой первый компромат — на Бориса Березовского, который пожирал в Кремле все его бутерброды.)

КОРЖАКОВ:

Не для игрушечек, ребята,
Я пригласил вас в этот зал.
Борис Абрамыч мне когда-то
Убить Лужкова заказал.
Он по Кремлю, бывало, бродит —
Плетет интриги, сеет тьму...
Заходит, просит бутербродик!
Ишь, бутербродика ему!
Ох, говорю, уйди ты с миром!
Но как с ним справишься, с лисой?!
Пришлось кормить. Сначала с сыром,
Потом две штуки с колбасой...
«Все, — молвит, — вкусно, все толково,
И бутербродики жирны.
Еще бы вам убить Лужкова —
И вам бы не было цены!».
Ведь вот хитрюга, сын Абрама!
За мой же хлеб, за мой же сыр!

ЖУРНАЛИСТ *(в ужасе)*:

Неужто так и ляпнул прямо?
Неужто так и попросил?

КОРЖАКОВ:

Да, так и ляпнул. Я в отпаде.
Противный, юркий, как блоха...

Уйди, кричу я, Бога ради!
Не доводи уж до греха!
Ну надо ж быть таким нахалом...
И все — с невиннейшим лицом...
Причем сожрал две штуки с салом,
С соленым, кстати, огурцом!
Ужель и этих будет мало?
Какой прожорливый еврей!
А он доел, скотина, сало —
И говорит: «Гуся убей!».
Ох, думаю, Россия-мама!
Ты оккупирована вся!

ЖУРНАЛИСТ (*в ужасе*):
Что, прямо так? Вот так и прямо?!

КОРЖАКОВ:
Да, прямо так! «Убей Гуся!».
Нет, говорю, моя свобода
Еще мне как-то дорога,
Вот, съешь четыре бутерброда,
А больше, Боря, — ни фига!
Мне за Гуся маячит зона,
Я не такой еще дурак!
А он в ответ: «Тогда Кобзона!».

ЖУРНАЛИСТ (*в шоке*):
Что, прямо так?!

КОРЖАКОВ:
Да, прямо так!
А сам сидит, лоснится шкурой,
Грызет мой сэндвич, как зверек...
Последний! Самый лучший! С курой!
Я для себя его берег!
Уж я бы, блин, таких уродов
Не допускал в свои дела!
Десяток лучших бутербродов
Он с моего увел стола!

Сам, погляди, — лоснится жиром,
А русский — голый и босой!
Нет, ты прикинь: две штуки с сыром,
Четыре штуки с колбасой...

(Разражается рыданиями.)

ПЕСОЧНИЦА

(Ноябрь 1999. Предвыборные дебаты между Григорием Явлинским и Анатолием Чубайсом в «Гласе народа».)

Декорация программы Евгения Киселева «Глас народа» представляет собою гигантскую песочницу. По углам песочницы рыжий Толя и чернявый Гриша, сдерживаемые секундантами, готовятся драться ведерками и лопатками.

КИСЕЛЕВ:

Теперь внимательно смотри,
Российский наблюдатель.
Бойцы готовы? Раз... два... три!

ТОЛЯ:

Предатель!

ГРИША:

Сам предатель!

ТОЛЯ:

Из-за таких, как ты, овец
Конец России близок!
Ты бросил в армию, подлец,
Зловонный свой отгрызок!

ГРИША:

Ты — лицемерие само!
Таких — один из тыщи!

ТОЛЯ:

Ты потрясающее чмо,
Ты сказочное чмище!

Из-за тебя родимый край
Накроется галошей!

ГРИША (*потрясенно*):
Да ты не просто негодяй,
Ты... очень нехороший!

ТОЛЯ (*залу*):
На эти лживые черты
Смотреть мне просто тяжело!

ГРИША (*задыхаясь от гнева*):
А ты, а ты, а ты, а ты!
А ты вообще... какашка!
Да кто ты, собственно, таков —
Судить меня, противный?
Сергей Адамыч Ковалев
Назвал тебя скотиной!

ТОЛЯ:
Сергей Адамыч?! Рот закрой,
Побасенок рассказчик!
Он мне сказал, что я герой
И мужества образчик!

КИСЕЛЕВ (*вступая в песочницу*):
Прошу вторжение извинить,
Но замечаю, к слову,
Что мы готовы позвонить
Сергею Ковалеву.

(Пауза. Ковалева находят в Пензе и поднимают с постели).

КОВАЛЕВ (*хриплым со сна голосом*):
Я спал, конечно... Час второй...
Но это все едино...

ТОЛЯ:
Скажи, Адамыч, я герой?

ГРИША:
Скажите, он скотина?

КОВАЛЕВ (*раздумчиво*):
Напрасно вы смутили зал,
Меж вами много сходства.
Да, я действительно сказал,
Что вижу в Толе скотство,
Но также — редкостную прыть,
Смекалку, ум ретивый...
Каким героем надо быть,
Чтоб быть такой скотиной!

ТОЛЯ и ГРИША плюют с досады.

•

ИНСПЕКТОР РОБЛЕС

(Февраль 2000. Международная инспекция в Чечне.)

*Сцена изображает Чечню.
Чечня выглядит соответственно.*

ХИЛЬ-РОБЛЕС, комиссар Совета Европы:

Чечня желала отделения,
Вы утвердили власть Москвы...
Но эти мирные селенья
Изрыты взрывами, увы!
Тут след от танка, там — от «Града»
Чернеет выжженный провал...
Ужели так оно и надо?
Суворов так не воевал!

ВЛАДМИР КАЛАМАНОВ:

Вы зря, любезный, завздыхали.
Вы зря, милейший, трете глаз.
Мы не взрывали. Мы пахали!
Чеченцы сами просят нас!
Позавчера совет старейшин
Нам предложил cooperation.
И техника прошла парадом,
Взрывая почву и рыхля:
Мы артиллерией и «Градом»
Вспахали мирные поля!

ХИЛЬ-РОБЛЕС (смущенный):
Пусть так. Но видел я не дале,
Как день назад, вблизи Шали:

Чеченца к танку привязали
И вслед за танком волокли!

СЕРГЕЙ ЯСТРЖЕМБСКИЙ:
Мой друг! Довольно провокаций.
Какая свалка в голове!
Вы начитались публикаций
И насмотрелись НТВ.
В борьбе с чеченским бездорожьём
Мы не жалеём наших сил.
Ну, привязали. Ну, положим.
Так он же сам и попросил!
Ему бы до родного братца
В село желательно добраться:
Машина вязнет — глинозем...
Нас попросили — мы везем!

ХИЛЬ-РОБЛЕС (*потрясенный*):
О да, о да... Ведь тут разруха...
Но мне почудилось слегка —
Один солдат отрезал ухо
У пленного боевика...

ИГОРЬ ИВАНОВ:
О друг мой, сколько вам наврали!
Как журналисты нам вредят!
Не порицанья, а медали
Достоин добрый сей солдат:
Чеченец, жертва золотухи,
Имел нарыв на этом ухе!
Отрезав ухо, наш Ахилл
Гангрену тем предотвратил!

ХИЛЬ-РОБЛЕС:
Да, вы ни в чем не виноваты,
Но мне бы фильтры посмотреть:
Мне говорят, что там солдаты
Чеченцев заставляли петь!

СЕРГЕЙ ЯСТРЖЕМБСКИЙ:
Во врут-то, гады! Вот пурга-то!
Да тут чеченский весь народ
При виде русского солдата
Луженым голосом поет:
«Ура, ура! Ликуют детки!
Пришел на родину покой!».

ХИЛЬ-РОБЛЕС (*робко*):
А это... кто висит на ветке?

ВЛАДИМИР КАЛАМАНОВ (*дружески*):
А... это слива. Сорт такой.

ИНАУГУРАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ

(Март 2000)

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина накануне инаугурации. Перед избранным президентом России проносятся души его предшественников.

ЛЕНИН:

Поболее скромности, тезка!
Рецепт мой известен давно:
Не пей, одевайся неброско,
Носи при народе бревно...

СТАЛИН:

Ты сам ознакомишься скоро
С законом владенья Москвой:
Чем больше в отчизне террора,
Тем более счастлив живой!

БРЕЖНЕВ:

Пускай наши люди запойны,
Пускай мы по горло в грязи, —
Мою популярность запомни,
Отечество в сон погрузи!

АНДРОПОВ (*при появлении его тени Путин встает по стойке «Смирно»*):

Не верьте в наивные сказки,
Что жаждут свободы в стране:
Когда наверху перетряски —
Народу хватает вполне!

ГОРБАЧЕВ:

В России — хоть кризис, хоть смута —
Ни в чем не виновны цари.
Коль где-то... кого-то... кому-то... —
«Не знал! Не слыхал!» — говори.

ЕЛЬЦИН:

Довольно разездов, парадов —
Пускай ты покуда здоров,
Почаще скрывайся от взглядов
В Барвиху, в Ручей Бочаров...

ХОРОМ:

Да что нам учить тебя, Вова!
Ты сам из чекистской семьи!
Держи их за шкурку сурово —
И все они будут твои!
Сули им огромные пайки,
И вору грози, и врагу —
И тихо закручивай гайки...

ПУТИН:

Последнее точно могу!

БЕЗ СЛОВ

(Октябрь 2000)

Недавно среди государственных дел
Наш лидер, что любит Россию взаимно,
Создать государственный гимн повелел —
Поскольку нельзя сверхдержаве без гимна.

Историю нашу с размахом творя,
Мы многое пели с родным государством:
То Бога просили: «Храни, мол, царя»,
То горько жалели: «Никто, мол, не даст нам»...

Под разными сводами гимн воспарял.
Полмира поныне его повторяет.
То Ленин великий нам путь озарял,
То Путин великий нам лень озаряет...

С тех пор, к удивленью заморских послов,
Прибывших сюда с исторических родин,
Мы гимном поставили песню без слов:
Для Родины нашей мы слов не находим!

Кто скажет, что новая властьне права?
Безрадостен гимн без единого слова.
И если кому-то закажут слова —
То мы посоветуем звать Михалкова *.

Составить могли бы мы пару полков
Из авторов, съеденных местною властью,

---

* Пожелание было услышано (комментарий 2005).

Всех схрупали с кашей — и лишь Михалков
Творит, процветает и здравствует, к счастью!

Коллеги его опускались на дно,
Терпели прозванья враг и изгоя, —
Лишь он с наслаждением пишет одно,
А завтра, с таким же талантом, другое.

А ежели вдуматься — разница в чем?
Все та же орда между Кушкой и Брестом.
Нас так же легко заманить калачом,
Пленить палачом, успокоить арестом.

Поэтому после суровых годин,
В финале на век затянувшейся тризны,
Возможно, нам следует сделать один
Из трех государственных гимнов Отчизны:

Над нами встает коммунизма заря,
Монархия — лучшая форма правленья,
Храни православного, Боже, царя,
Поскольку никто нам не даст избавленья!

ВЫСШИЙ СУД

(Октябрь 2000. Президентские выборы в США)

ГОССЕКРЕТАРЬ ШТАТА ФЛОРИДА:

Итак, конец хитросплетений!
Настал покой для наших душ.
При пересчете бюллетеней
Наш хит-парад возглавил Буш.

АЛЬБЕРТ ГОР:

Скажите это идиотам!
Ваш Буш читает по складам!
Не верю вашим я подсчетам
И тут же в суд на вас подам!

ВЕРХОВНЫЙ СУД США:

Дружок, когда же вы поймете,
Что так решили небеса?
Увы, при этом пересчете
Вы потеряли голоса.

АЛЬБЕРТ ГОР:

Так из-за четверти процента
Я проиграл такой заезд?!
О'кей, спрошу у президента.
Уж он не выдаст и не съест.

БИЛЛ КЛИНТОН:

Чтоб плохо я сказал о Горе —
Такого не дождется Буш,
Но видишь, Эл... такое горе...
Ты проиграл. Смиримся уж.

АЛЬБЕРТ ГОР:

Я твоему не верю слову!
Я выше Клинтона пойду!
Я верю только Вешнякову
И только русскому суду!

ВЕШНЯКОВ:

Ну, Вешнякову ли, суду ли —
Не верит русским лишь дурак.
Товарищ Альберт, вы продули.
Мне очень жаль, но это так.

АЛЬБЕРТ ГОР:

Мне в Белый домик нет возврата...
И пересчеты не спасут...
Но нет, наперсники разврата!
На вас найдется Высший суд!

ГОСПОДЬ:

Я счастлив всякому предлогу
Утешить Божия раба,
Но Эл... мне очень жаль, ей-Богу...
Тебе и вправду не судьба!

АЛЬБЕРТ ГОР:

Ты оттолкнул меня сурово,
Мои надежды погубя.
Я проклиная Вешнякова
И отрекаюсь от тебя!
(Оглушительно проваливается.)

НАКАЗАННОЕ КОРЫСТОЛЮБИЕ, ИЛИ БЛУДНЫЙ ОТЕЦ

Нравоучительная драма XVIII века

(Декабрь 2000)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Блудный Отец — мужчина с характерной внешностью, лет пятидесяти. Быстрая речь, бегающие глаза.

Добродетельный Сын — мужчина лет сорока пяти с губастым, открытым и честным лицом.

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ:

Внемли, жестокий сын моих мохнатых чресел!
Почто ты на меня ярлык врага навесил?
Почто не обратишь губастого лица
Ты в сторону меня, несчастного отца?

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

Нет, ворон, я не твой! С упрямством ишачиным
Меня, главу страны, ты называешь сыном.
Дитя я органов и доблестной Семьи,
Но эти органы, папаша, не твои!

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ:

Помилуй, дитяtko! В семье признали сами —
Я создавал тебя вот этими руками!
Ты плод моих трудов, моих костей и жил,
А сколько долларов в тебя я заложил!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

Ты деньги на меня давал по доброй воле.
А чем ты нажил их? Трудом полезным, что ли?

Спасибо же скажи, что я еще слегка
Даю тебе давно уместного пинка.

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ (*бурно жестикулируя*):
Нет, вы послушайте! О Боже, Боже правый!
Не я ли год назад вскормил тебя «Андавой»?
Не я ли, сколотив «Единство», сбился с ног?
О да, я воровал — но для тебя, сынок!
Кристалльный, как Прудон, расчетливый, как Струве,
Я все, что добывал, тащил тебе же в клюве!
Я первые твои купил тебе штаны,
А ты меня теперь погонишь из страны!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:
Ты мне купил штаны помимо всяких правил,
А сколько россиян ты без штанов оставил?
Ужели веришь ты, что за твои штаны
Все власти потакать тебе обречены?
Беги, ты мне никто! Скажи еще спасибо,
Что ты наказан днесь не стройками Запсиба
И не Чукоткою, как твой дружок Роман,
А выслан за рубеж и прячешься в туман!

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ (*глумливо*):
А если рассказать стране и правосудью,
Как я тебя кормил вот этой самой грудью?
А если я скажу ликующей толпе
Всю правду про тебя, про Таню и тэ пэ?
Когда ты не вернешь мне прежних предпочтений,
Я столько соберу таких пресс-конференций,
Что книги Коржика, чтоб был он так здоров,
Тебе покажутся укусом комаров!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН (*с достоинством*):
Да, это аргумент расчетливый и скотский.
Но помнишь — за рубеж был выслан некто Троцкий?
Он тоже был хитер и временами груб,
Однако на него нашелся ледоруб!

БЛУДНЫЙ ОТЕЦ:

О, нечестивый сын! Кому грозишь ты плахой?
Куда, куда меня ты посылаешь?!

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЙ СЫН:

К черту!

А вы запомните, блудливые отцы:

Вас тоже могут ждать подобные концы.

ЮБИЛЕЙНОЕ

К 70-летию Бориса Ельцина

(Январь 2001)

Незабвенный Борис Николаич!
Черт со свечкою, поп с кочергой!
Все, чего ты себе пожелаешь,
Пусть сбывается, друг дорогой!
С угрожающей грацией лося
Ты гонял окружающих лис...
Пусть бы все это так же сбылось,
Как твои обещанья сбылись!

Что сулил нам возлюбленный Ельцин?
Право, кончу ли, если начну!
Собирался ложиться на рельсы
И в покое оставить Чечню,
А реформы, свободы, дефолты,
А привычка премьеров менять...
Впрочем, нет. Не настолько мы желты,
Чтоб Борису сегодня пенять.

Не такие мы, Боря, путанки!
Ты за все заплатил головой.
Ты в историю въехал на танке
И уполз из нее чуть живой.
Пусть, при жизни в забвение канув,
Попирают тебя остряки:
Ты взрастил поколение титанов.
Может статья, себе вопреки.

Вот они — широки, гонористы,
Демократии нашей творцы:
Губернаторы, авантюристы,
Олигархи, писаки, борцы!
Рос любой, кто с тобою связался,
Попадая на твой карнавал.
Даже жулик гигантом казался
(Ибо кто еще так воровал?!).

Несравненных ты вырастил гадов,
Сверхгигантских вскормил пауков:
Березовский, Гусинский, Масхадов,
Сосковец, Барсуков, Коржаков...
Но зато и какие герои!
Кох, Чубайс, и Лужок-на-Москве,
И Явлинский, раздувшийся втрое
От сознания, что он в меньшинстве!

Ты все реже являешься, скромник,
Ты навеки Барвихой пленен.
Твой преемник похож на приемник,
Детприемник дзержинских времен.
Все как будто бы тихо и гладко,
Старикам прибавляют монет,
Есть иллюзия полупорядка...
Все в порядке. А воздуха нет.

17 МИГОВ ЗИМЫ

(Февраль 2001. Президент России предложил президенту Австрии в виде погашения российского долга взять у нас несколько десятков самолетов «МИГ».)

Звучит «там, там, там, та-та-та-там». Сцена изображает кабинет Путина в мундире Штирлица. Перед ним навывтяжку стоит президент Австрии.

ПУТИН (*держа одну руку в кармане*):
Не думайте о МИГах свысока!
Послушайте финансового гения —
Вас выручат они наверняка,
МГновения, МГновения, МГновения...

ПРЕЗИДЕНТ АВСТРИИ:
Мы знаем, ты заглотишь до весны —
В конце концов, куда ты, на фиг, денешься...
Но нам не самолетики нужны,
А денежка! А денежка! А денежка!

ПУТИН (*не вынимая руки из кармана*):
Мне ваша озабоченность близка,
Но МИГи — самолеты вне сравнения!
Свистят они, как пули у виска,
Летят они быстрее, чем мгновения!

ПРЕЗИДЕНТ АВСТРИИ:
Ты старый волк, я тоже старый волк
И обладатель опыта несметного...
Так может, надо просто помнить долг
От первого мгновенья до последнего?

ПУТИН (*рука по-прежнему в кармане*):
Я чувствую себя как Робинзон,
Потрепанный грозой до невозможности!
У каждого решенья — свой резон,
И мой резон — финансовые сложности.

ПРЕЗИДЕНТ АВСТРИИ:
Тебе, мой милый, прибуднятся грех.
Россия — не дитя в дырявом платье.
Финансовые сложности у всех,
Но платят же! Но платят же! Но платят же!

ПУТИН:
Россия — это целый материк,
При этом не обычный, а со сдвигами...
Ну что же, если вам не нужен МИГ —
Готовы мы расплачиваться ФИГами!
(Достает фигу из кармана.)

ПРЕЗИДЕНТ АВСТРИИ:
Я узнаю в тебе силовика.
Недаром у тебя петлицы с ромбами...

ПУТИН:
Берите самолетики, пока
Не начали расплачиваться бомбами.

АБЫРВАЛГ

(Февраль 2001. Бывший губернатор Приморья Евгений Наздратенко назначен руководителем Главрыбы.)

На рыбу брошен доблестный Наздрат.
Сограждане! Возрадуемся, ибо
В году двенадцать месяцев подряд
Нас ждет теперь мороженая рыба.
Кто заморозил целый край, увы
(Сказав, что отопление неисправно),
Тот с рыбою расправится подавно,
Сгноив ее при этом с головы.

Да, в этом есть разумное зерно.
Пред нами муж, достойный пьедестала.
Воссел на местность, где всего полно,
Поцарствовал — и ничего не стало!
Передовой, испытанный редут —
Хозяйственники, крепкие, как глыбы.
Наверное, теперь не станет рыбы:
Часть заморозят, часть распродадут.

Таким, как он, пропасть не суждено.
Не стал министром — и на том спасибо.
Играя с президентом в домино,
Он победил: ему досталась рыба!
А мог заняться хлебом и жнивьем,
Мог заменить Касьянова, Чубайса..
Ликуй же, россиянин! Улыбайся!
Что рыба нам! Без рыбы проживем.

СТАРЫЙ «МИР»

(Март 2001. Затопление станции «Мир».)

И патриот, привычно горбясь,
И просвещенный либерал
Кричат: «Просрали нашу гордость!» —
Не уточняя, кто просрал.
Ценя пиарское искусство,
Утешу доблестных бойцов:
Да, рухнет «Мир». И это грустно.
Но ведь не мир, в конце концов!

О чем полгода вы радели,
Насквозь проплакав свой жилет?
Не мог же он, на самом деле,
Летать еще пятнадцать лет?
И так подобной вещи стойкой
Давно не делала страна!
Запущен вместе с перестройкой
Он был... и где теперь она?
Ее последний призрак тает,
О ней давно не помнит власть,
Да и народ... А «Мир» летает!
Пора бы, кажется, упасть.

Народ, что мнил себя героем,
Когда-то пел на все лады:
«Мы наш, мы новый мир построим»...
Построить рад бы, да куда!
Вот так Господь, бросая в топку
Осточертевший наш содом,

Уже почти нажав на кнопку,
От слез удержится с трудом:
«Что делать, мир несовершенен.
Какой бардак, какой компот,
Какой-то Буш, какой-то Ленин,
Какой-то Пол, простите, Пот...
Бетоно, так сказать, мешалка,
Полнейший, так сказать, привет...
Нет, мира этого не жалко.
Но жалко, что другого нет».

РАЗБОР ПРОЛЕТОВ

(Июнь 2001. Арест Владимира Гусинского после недавней истории с таинственным исчезновением и столь же таинственным обнаружением Андрея Бабицкого.)

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина. ПУТИН нервно ходит по ковру. На ковре перед ним — вызванные на разбор полетов Рушайло, Патрушев и Устинов.

ПУТИН:

Это что же вы творите, сукины сыны?
В США и в Лондон-сити все потрясены!
Говорят, что я свободу прессы удушил
И российскому народу хавальник зашил!
Я ж велел вам только прессу мягко уломать,
Не теряя политесу, шлеп же вашу мать!
Вы ж Бабицкого ломали, как тайфун — тростник!
Нешто вы не понимали, резник и мясник?!

СИЛОВИКИ (хором):

Ну, пускай наполовинку пережали пресс —
Нам же все-таки в новинку этот политес!
Не чуждайся нашей дружбы и не обессудь:
Мы ведь все ж таки спецслужбы, а не кто-нибудь!

ПУТИН:

Ну, Бабицкого прошу хоть. Но налет на «Мост»?!
Я же вас просил прощупать, потянуть за хвост,
Но устроить маски-шоу посреди Москвы —
Это, братцы, по-большому мне наклали вы!
Можно было компроматом рожки им намять,
Но нельзя же автоматом, шлеп же вашу мать!

СИЛОВИКИ:

Ну, допустим, ну а фиг ли? Тут же враг кругом!
Мы же, Вова, не привыкли цацкаться с врагом!
Так что мы не виноваты, зря не голоси:
Мы ж ведь все-таки солдаты, а не хрен соси!

ПУТИН:

Что же мне, раздать награды? Ручки вам пожать?
Ну Гусинского-то, гады, кто велел сажать?
Я ж сказал — пугнуть немного. Дескать, доконал.
У него ж, у демагога, собственный канал!
Тут про эту предварилку воеет целый свет!
Я ж сказал — «Загнать в бутылку», а в Бутырку — нет!

СИЛОВИКИ:

Что он тут торчал, как цаца, грязью нас полив?
Пусть он едет издеваться на фиг в Тель-Авив!
Пред тобой, Вован, мы чисты, или нет, чисты,
Мы ж ведь все-таки чекисты, ровно как и ты!

ПУТИН:

Да конечно, это суки, сволочи, враги —
Но ведь нам связали руки внешние долги!
Запад как о троглодите воеет обо мне!
Вы уж все-таки блюдите видимость вовне!
Чтобы мы хотя б снаружи, глядячи в упор,
Были все-таки не хуже, чем до этих пор!
Занимайтесь тут хоть сыском, жмите всю печать,
Но кончайте вы с Гусинским!

СИЛОВИКИ *(радостно)*:

Стало быть, кончать?!

ПУТИН *(с досадой)*:

Да к чему же нам расправа, пытки и бои?
Эк у вас зудит-то, право, прыткие мои!
Пусть бы он на волю вышел, шлеп же вашу мать,
Пусть бы я о нем не слышал дней хотя бы пять!

СИЛОВИКИ *(с готовностью):*

Мы, быть может, грубоваты, выжжены в борьбе,
Но, однако, мы — солдаты, верные тебе!
И тебе даем мы слово: про него, жида,
Ты не будешь слышать, Вова, больше никогда!

(Бросаются к Путину и отрывают ему уши.)

СДАЧА

(Июль 2001. Югославия во главе с Воиславом Коштуницей сдала
Слободана Милошевича Гаагскому военному трибуналу.)

ЧЛЕНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА (*шепотом, Джинджичу*):

Смелей! Решайся, ренегат,
Ослица Буридана!

ДЖИНДЖИЧ (*неуверенно*):

Воислав! Вишь, какой расклад...
Мы сдали Слободана.

КОШТУНИЦА:

Ну, блин! Не жизнь, а волшебство.
Скандалы на скандале!
Кто согласился взять его
И что за это дали?

ДЖИНДЖИЧ:

Да на него еще когда
Прислали нам бумаги!
Короче, мы сказали «да» —
И он теперь в Гааге.

КОШТУНИЦА (*бледнея*):

Не может быть! Да ты в уме?!
Отдать в Гаагу Слобо!
Теперь мы все в таком дерьме!
И вы! А я — особо!

ДЖИНДЖИЧ:

Ты знаешь, я подумал тут...
Он, знаешь, шизофреник,
А нам сказали, что дадут
За это много денег!

КОШТУНИЦА:

Ух, как взъярится большинство!
Скажи мне, ради Бога:
Вы, значит, продали его?

ДЖИНДЖИЧ:

Но денег правда много.

КОШТУНИЦА (*остывая*):

Весь мир теперь остынет к нам...

ДЖИНДЖИЧ:

Воислав, это враки.

КОШТУНИЦА:

Да он с собой покончит там!

ДЖИНДЖИЧ:

Воислав, это вряд ли.

КОШТУНИЦА:

И как я мог не уследить?!
Мне что теперь — убиться?

ДЖИНДЖИЧ:

Но не самим же нам судить
Народного любимца!

КОШТУНИЦА (*с тоской*):

Теперь начнется крик, скандал,
И шум, и тьма кромешна...
Но я не знал! Ведь я не знал?

СОВЕТ МИНИСТРОВ *(хором)*:

Не знал! Не знал, конечно!

КОШТУНИЦА *(примиренно)*:

Мне лишь Отчизна дорога!

Я чужд угрюмой злобы!

А денег много?

СОВЕТ МИНИСТРОВ:

До фиги!

КОШТУНИЦА:

Но я не знал?

ДЖИНДЖИЧ:

Еще бы!

ПОМИДОР

(Июль 2001. Во время спортивного мероприятия в Минске Александр Лукашенко получил удар помидором из толпы.)

Депеша пришла с белорусского берега:
Жестоко, прицельно, в упор
В отца белорусов во время забега
Швырнули большой помидор.

Немедленно схвачен отважный минчанин:
Охранники батьки круты!
Но батька в порядке. Он даже не ранен
(Зато помидору — кранты).

О батька! Ужели ты хамам позволишь
В стране заварить кутерьму?
Я думал — повесят. А батька всего лишь
Семь суток отвесил ему.

Должно быть, он мнил доказать помидором,
Тебе попадая под дых:
«Пускай нас кругом покрывают позором —
Живем мы получше других!

Политику, партии, споры-раздоры
Наш вождь ликвидировал тут —
Смотрите, какие теперь помидоры
Под солнышком нашим растут!

Любой поселянин разъелся, как боров,
Страна позабыла печаль,

И столько, ей-Богу, у нас помидоров,
Что даже и бросить не жаль».

Наверное, в знак изобилия в державе,
Чтоб ведал об этом отец,
Все то, что когда-то в запасе держали,
В него полетит наконец.

Кидайте ж торты и коробки с печеньем:
Охрана не будет строга!
«Смотри, как живем мы твоим попеченьем:
Товаров у нас — до фига!»

Кидайте всю! Демонстрируйте норы!
Живете вы лучше, чем мы!
А если не хватит у вас помидоров,
То мы бы прислали займы.

GOD SAVE AMERICA!

(11 сентября 2001)

Когда над миром стлался дым
Нью-Йоркского костра —
Кто говорил, что мало им,
А кто: «Давно пора».
Патриотичная печать
Добавила в упор,
Что было нечего торчать
Над миром, как укор.
А я персты сложу в щепоть —
И, как в былые дни,
Скажу бесхитростно: Господь,
Америку храни!

Не мне давать, в конце концов,
Советы небесам.
С ошибками ее отцов
Ты разберешься сам.
Я допустить не премину,
Хотя и сам не рад,
Что Ты поставишь ей в вину
Багдад или Белград,
Порой — гордыню, часто — месть
И всякий прочий грех..
Однако из того, что есть,
Она приличней всех.

Увы, среди окрестных морд,
В тоске родных полей

Бывал я чаще ею горд,
Чем Родиной своей.
Сама наивность во плоти,
Рассудочность сама —
Она стояла на пути
У всякого дерьма.
И если вылезет на свет
Всемирное зверье —
Ни на кого надежды нет,
Как только на нее.

Суди ее своим судом,
Но не чужим судом —
Странноприимную, как дом,
Большую, как Содом,
И дай ей силу побороть
Свой гнев в тяжелый час...
Храни Америку, Господь!
И не забудь про нас.

АЙ, МОЛОДЦА!

*(Октябрь 2001. Премьер России Михаил Касьянов доложил
Госдуме об экономическом росте.)*

*Сцена изображает Государственную Думу. На трибуне
докладывает Касьянов.*

КАСЬЯНОВ:

Сегодня радостные вести
Я вам намерен доложить:
Россия не стоит на месте —
В ней вдвое лучше стало жить!
Трудитесь, честные герои,
Под звуки дружного ура!
Резерв валютный вырос втрое,
А цены — только в полтора!

(Аплодисменты.)

Но эта бодрая тональность
Вполне понятна потому,
Что втрое выросла лояльность,
Как видно мне и самому!
Прощайте, мелкие напасти —
Пришли иные времена!
А что до вертикали власти,
В пять раз упрочилась она!

(Бурные аплодисменты.)

Но потому и больше стали,
Угля и денег про запас,

Что все мы как-то мельче стали —
Кто в десять раз, кто в двадцать раз...
Уменьшились, согласно ГОСТу,
И старики, и детвора...
Во мне два метра было росту,
А нынче только полтора!

(Восторженные выкрики.)

Давно наука замечает:
В природе нашей нет пустот.
Где население мельчает —
Там экономика растет.
Страна ликует, сбросив путы,
Ей больше не о чем страдать...
Когда мы станем лилипуты,
Настанет просто благодать!

(Овация.)

ПАРА КРУТЫХ

(Октябрь 2001. Путин встречается с Бушем.)

БУШ:

Мой друг Владимир...

ПУТИН:

Можно Вова.

БУШ:

Любезный друг, не всем дано
Понять друг друга с полуслова,
Но я-то понял вас давно.
Вступив на верную дорогу,
Вы сильно радуете нас.
Ведь демократия, ей-Богу,
Всем надоела двадцать раз!

ПУТИН:

Любезный Джорджи!

БУШ:

Можно Жора.

ПУТИН:

И мы признаться вам должны,
Что доигрались до упора
В развале собственной страны.
Мог презирать любой узбек нас,
Про молдаван не говоря...
Какая, блин, политкорректность!
Россия требует царя!

БУШ:

Я знал, что мы пойдем друг друга.
Я знал, что мы друг другу в масть.
Народы наши от испуга
Хотят лизать любую власть.

ПУТИН:

И как тут, Жора, ни крутись ты —
Поверь общественной нужде:
Когда приходят террористы,
Страна нуждается в вожде!

БУШ:

Признаться, Вова, не пора ли —
Скажу, как русскому царю:
Нас очень вовремя избрали!

ПУТИН:

И я про то же говорю!
Настало время нашей роты
Творить активное добро.
Что, кстати, думаешь про ПРО ты?

БУШ:

Оставь, мой друг! Какое ПРО!
Тому залог мои седины —
Об этом я давно умолк.
Теперь должны мы быть едины.
Тебе не нужно денег в долг?

ПУТИН:

Не надо, справимся легко мы.
Страна не зря горда собой.
Нужны ль тебе аэродромы?
Бери, пожалуйста, любой!

БУШ:

Давай, мой друг, поднимем знамя
Защиты вольности и прав!

И кстати, Вова... Между нами...
В Чечне ты был, похоже, прав.

ХОРОМ:

Гордитесь Путиным и Бушем,
Вовсю выпячивайте грудь!
Весь мир исламский мы разрушим.
Кто был ничем — ничем и будь!

РАБ ЛЮБВИ

(Ноябрь 2001. Открытие Гражданского форума, на котором выступил Владимир Путин, превратилось в вакханалию подобострастия.)

Сцена изображает зал Кремлевского дворца. Открытие Гражданского форума. Путин на трибуне. У его ног бушует людской прибой. Каждый норовит прикоснуться к президенту России рукой, а если повезет, то и языком.

ПУТИН:

Товарищи! У нас Гражданский форум!
Блюдите же порядок, господа!
Я всем отвечу. Всем, не надо хором!
Записочки, записочки сюда!

Итак, записки. Будем объясняться.
Все — о любви. Буквально большинство.
Какая-то гражданка просит сняться
(Подчеркнуто, что сняться без всего).
Вот снова та же просьба... Ну, скажу я!
И так уже снимаюсь день-деньской!
В другой записке просят поцелуя
(При этом почерк, кажется, мужской).
Спросите что-нибудь о судьбах мира,
О расширенье НАТО на Восток...
В пяти записках просят сувенира
(Белье, автограф, носовой платок).
Товарищи! Меня не нужно трогать,
Я не святой, я не творю чудес!
Еще в одной записке просят ноготь.
Подписано: «От члена СПС».

Оставили бы вы меня в покое!
От этакой любви спирает дух!
Вот кто-то хочет вылизать такое,
Что я не оглашаю это вслух...
Сидите там! Не подходите близко!
Я запрещаю близко подходить!!!
Что это? Двадцать пятая записка,
Что автор от меня готов родить...

Товарищи, не надо брать измором!
Пустите, не протягивайте губ!
Надумали созвать Гражданский форум,
А получился форменный фэн-клуб!
Толчется предо мной бомонд московский,
И каждый мне лизнуть подметку рад...
Павловский! Глеб Олегович Павловский!
Введите в рамки ваш электорат!
Тут БКД, а не концерт Земфиры!
Покуда я в овациях тону,
Они меня порвут на сувениры,
А я еще пока не спас страну!
Куда бежать? Отрезан ход обратный.
Как эту страсть словами превозмочь?

(Набирает воздуха.)

Товарищи! Буфет у нас бесплатный!

(Толпа стремительно рассасывается.)

Ну то-то, братцы. Прочь отсюда, прочь!

(Стремительно убегает.)

БЕЗ ПРИЗОРА

(Январь 2002. Владимир Путин скомандовал Валентине Матвиенко начать борьбу с беспризорностью.)

Вот дети,
Которые нюхают клей.

А это российский прославленный лидер,
Который недавно впервые увидел
Детей,
Которые нюхают клей.

А это, товарищи, вице-премьер,
С подробнейшим списком непринятых мер,
С овечье-тупым выраженьем покорности:
Он занят решеньем проблем беспризорности,
Поскольку ответа потребовал лидер,
Который недавно впервые увидел
Детей,
Которые нюхают клей.

А это страна,
В которой давно уже нет ни хрена,
А только одно выраженьем покорности,
С которым решают вопрос беспризорности,
Поскольку ответа потребовал лидер,
Который недавно впервые увидел
Детей,
Которые нюхают клей.

А вот педагоги,
Которые нынче жалки и убоги,
В поношенных шубах и кофточках стареньких —
Чего уж тут думать о новых Макаренках,
Когда получилась такая страна,
В которой давно уже нет ни хрена —
Лишь вице-премьер с выраженьем покорности,
Который решает вопрос беспризорности,
Поскольку ответа потребовал лидер,
Который недавно впервые увидел
Детей,
Которые нюхают клей.

А это, товарищи, собственно клей,
Который поможет забыть поскорей
Про сотню российских проблем нерешаемых,
Про толпы лишайных, приюта лишаемых,
Поскольку Россия — такая страна,
В которой давно уже нет ни хрена,
А только Совмин с выраженьем покорности,
Который решает вопрос беспризорности,
Поскольку ответа потребовал лидер,
Который недавно впервые увидел
Детей,
Которые нюхают клей.

ПОДАВИВШИЕСЯ ЛИМОНОМ

(Июль 2002. Суд над Лимоновым.)

Отечество судит писателя вновь,
Причем на закрытом процессе.
Писательство портит и нервы, и кровь.
Оно из опасных профессий.

Состряпанных белыми нитками дел
Немало в российских анналах:
Сидел Чернышевский, и Горький сидел —
Поэтому мир и узнал их.

Сидел Достоевский, и — горе уму! —
Бывал Грибоед под арестом.
Под стражей Тургенев задумал «Муму»,
Что стала его манифестом.

Кобылин сидел, и сидел Мандельштам,
Клеймивший опричников смело:
Он встретить бы мог и Шаламова там —
Писателей много сидело.

Российский Парнас — это смрадный подвал,
Россия — страна неурядиц:
И Пушкин — вы помните — в ссылке бывал,
И Бродский сидел, тунядец..

Но судей Лимонов приводит в экстаз:
Всех прочих уделал Лимонов!
Писателей брали в России не раз,
Но брали, увы, без ОМОНов.

Должно быть, Лимонов — писатель крутой,
Не зря он попал на скрижали!
Зато уж Толстой — это полный отстой:
Его никогда не сажали.

Уж как он хотел посидеть, говорят,
Уж как он того добивался —
А все ж не попал в этот доблестный ряд,
Тогда как Лимонов — прорвался.

И ты не в обиде, российская власть,
И вы, доносители-шкуры:
Когда вам еще доведется попасть
В историю литературы?

БАЛЛАДА О ДВУХ ОТПУСКНИКАХ

(Июль 2002)

Отпуск пришел, на дворе июль,
В мареве горизонт...
Ельцин бросается в Иссык-Куль,
Путин — в Эвксинский понт.

Два президента, два главаря,
Светочи, блин, очей...
Плавает Ельцин, а втихаря
Хочет назад, в Ручей.

«Я бы, как грозное божество,
Им бы пустил кровя!
Я показал бы им всем... тово!» —
Думает он, пlying.

И вылезаячи на настил,
Прыгая на доске,
«Хоть бы назад он меня пустил!» —
Он говорит в тоске.

...Путин пlying, держа под волной
Ядерный ридикиоль.
Путин устал управлять страной —
Хочет на Иссык-Куль.

«Здесь невозможно, спасая власть,
Не ущемить права...
Хоть бы, ей-Богу, им всем пропасть!» —
Думает он, пlying.

И набирая воздуху в грудь
Прыгая на песке —
«Хоть бы уехать куда-нибудь!» —
Он говорит в тоске.

Так вот и плавают два вождя,
Хором себе твердя:
«Если бы нам поменяться!» Но —
Этого не дано:

Ельцин, брызги подняв, как куль,
Прыгает в Иссyk-Куль —
Путин, сложивши солнечный зонт,
Лезет в Эвксинский Понт.

ПАНКИССКАЯ БАЛЛАДА

(Сентябрь 2002)

*Сцена изображает тбилисский кабинет Шеварднадзе.
Президент Грузии общается с Путиным по вертушке.*

ШЕВАРДНАДЗЕ:

Я что хочу сказать тебе, батано:
Умерь своих воздушных молодцов!
У вас давно, конечно, нет закона,
Но надо знать и честь, в конце концов!
Зачем ты снова лезешь в наши выси,
Воздушную границу перейдя?
Сегодня целый день бомбят Панкиси!
Не раздражай народного вождя!

ПУТИН (*невинно*):

Ах, не имейте мерзостной привычки
Валить на нас любой воздушный старт!
Кто там летает? Это, верно, птички!
Ей-Богу, это птички, Эдуард!

ШЕВАРДНАДЗЕ:

Нам эти птички все поразметали!
Я не сошел пока еще с ума!

ПУТИН (*еще невиннее*):

Ну, значит, это бабочки летали.
Они бывают крупные весьма.

ШЕВАРДНАДЗЕ (*в ярости*):

Я, знаешь, человек сентиментальный,
Но опасайся горца разъярить!

Еще один такой заход летальный —
Мы можем и не так поговорить!

ПУТИН (*постепенно накаляясь*):
Не так же просто намечаю цель я?
Утюжить камни русским не с руки!
Мне доложили, что на дне ущелья
Чеченские сидят боевики!

ШЕВАРДНАДЗЕ (*невинно*):
Их нету там, признаюсь без утайки!
В Масхадове я вижу лишь врага.
Боевики? Да это, верно, зайки!
Там знаешь сколько заек? До фига!

ПУТИН (*в гневе*):
Ты говоришь, что не сошел с ума ты?
Я тоже, извини, не идиот!
У этих ваших заек автоматы,
У одного еще гранатомет!

ШЕВАРДНАДЗЕ (*кротко*):
Ну, так у нас, у горцев, повелось —
Чтоб даже зверь оружием владел...
Гранатомет? Ты, верно, видел лося!
У них там, понимаешь ли, надел.

ПУТИН (*успокаиваясь*):
Ну вот что, Эдик. Хватит этих баек.
Ты панику, пожалуйста, не сей,
Но наши птички этих ваших заек...

ШЕВАРДНАДЗЕ (*испуганно*):
Лосей! Лосей!

ПУТИН (*дружелюбно*):
Уговорил. Лосей.

ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ

капитана милиции Оксаны Федоровой

(Октябрь 2002. Оксана Федорова, кандидат юридических наук, разжалована из «Мисс мира», но очень довольна этим.)

Ох, граждане-гражданочки, решила вражья рать
У вашей капитаночки корону отобрать.
Да что мне с их короною, у русских нрав другой!
В Америку хваленую я больше ни ногой!
Метать не стану бисера пред носом воротил —
Из них покуда диссера никто не защитил!
Пусть воротила гадкий не распускает рук,
Встречаясь с кандидаткой юридических наук!

ХОР:

Да-да! Вот так! Юридических наук!

Я девочка из Питера, им это поделом,
Чего я там не видела, на Западе гнилом!
Была б я модельершею, влачила рабский труд,
Травилась ихней хершею и кушала фастфуд,
А здесь, светя погонями, которых нет святей,
Я вместе с миллионами трудящихся людей!
Я говорю нечасто подобные слова,
Но все мое начальство говорит, что я права!

ХОР:

Да-да! Еще б! Разумеется, права!

А нравы шоу-бизнеса! Он так меня обжег!
Я словно вышла из леса на солнечный лужок.
Тут все с родными нравами, тут все как большинство —
Себя считают правыми, а больше никого!
О, с каменными лицами родимая среда!
Я Ксана из милиции, и этим я горда.
И мне плевать на подиум и длинную деньгу:
Люблю я нашу Родину прям так, что не могу!

ХОР:

Лечь-встать! Сидеть! Так точно, никак нет!

СВЯТОЙ БОРИС

(Ноябрь 2002. Борис Березовский дает гигантское — на два номера газеты «Завтра» — интервью Александру Проханову.)

БЕРЕЗОВСКИЙ:

Во мне, мой друг, большая перемена.
Люблю и вас, и этих ваших Ген...
Вы автор «Господина Гексогена»,
Я покупал им этот гексоген...
Мы классово близки, как штык и пуля.
Мы оба в чем-то греки, наконец:
Я — олигарх (по-гречески «лапуля»),
Вы — идиот (по-гречески «мудрец»).

Обнимемся! К чему тянуть резину?
Не нужно церемоний, все свои.
Мы оба оппозиция режиму,
Отечества беднейшие слои!
Я верю, мы свалить его сумеем,
Мы им покажем, путинским властям!
Давно, еще не будучи евреем,
Я рос в простой семье среди крестьян!

Всего милее мне природа наша.
В Британии мне снится сеновал.
Я не нарушил заповедей, Саша!
Я лично никого не убивал!
Хотя я видел много разных тварей,
Но я не пачкал рук об эту гнусь,
А просто я такой пассионарий,
Что рушу все, к чему ни прикоснусь.

И если «Либеральная Россия»
Очистит от меня свой первый ряд,
Я, как Иудой преданный Мессия,
Прошу: они не знают, что творят.
Я, милый друг, в таком духовном ранге,
Что мне любое горе не беда!
Спросите наконец: «Вы ангел? Ангел?».

ПРОХАНОВ:

Ну хорошо, спрошу. Вы ангел?

БЕРЕЗОВСКИЙ (*альтом*):

Да!

ЛУЖКОВА КОЗА

(Январь 2003. Юрий Лужков подарил Владимиру Путину козу.)

Доколе город наш не вымер,
Вы наш отец и наша мать!
Проше, любезный друг Владимир,
От нас животное принять!
Чтоб вы к нам милостивы стали,
Чтоб миновала нас гроза,
Чтоб я... но это так, детали...
Вам преподносится коза!

Ах, помню, помню время оно,
Хоть та эпоха далека:
Я в Горки слал по два бидона
От нашей Милки молока.
Потом — хоть я, о друг могучий,
Об этом помнить не люблю, —
Но молоко, на всякий случай,
Я перестал давать Кремлю.
Случились разные Доренки
И прочей жути до фига,
И понял я, что против стенки
Бессильны всякие рога.
Тут воссияло ваше имя,
Раздался общий трам-пам-пам...
И вот — свои рога и вымя
Я к вашим приношу стопам.

Примите ж, мудрый благодетель,
Подарок скромный от Москвы.
Не знаю, сыщется ль на свете ль
Такой талантливый, как вы.
Коза — она приятно блеет
И славно доится, ей-бо...
А как лизать она умеет!
Корове так лизать слабо.
Вот говорят, что мне опасно
Вам попадаться на глаза —
А я за вас, единогласно,
И вот вам, стало быть, коза.
А если вдруг на самом деле
Москва вас чем-то разозлит,
И, как случалось доселе,
Со страшной силой закозлит, —
То вы, простите эту позу,
Без тени сложного стыда
Козу как сидорову козу
Дерите вместо нас тогда!

ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ

*(Январь 2003. Премьера третьей части «Властелина колец»
в Москве.)*

Как стреляют, как ревут!
Как сдыхают орки!
Отстрелялся Голливуд
За теракт в Нью-Йорке.

Вся страна бежит смотреть
На походы Фродовы.
Все — туда, кого ни встретить.
Все билеты проданы.

Интерес к борьбе со злом
Добряка и труса —
Интереснейший излом
Массового вкуса.

Видно, чует Голливуд —
Давний враг Европы:
Всех нас скоро позовут
В новые окопы.

И придется нам спасать
Честь людского рода,
И над бездной зависать,
Как малютке Фродо.

Значит, близко гром войны,
Час, выходит, пробит...

Зритель делает в штаны,
Как малютка хоббит.

Но на нашей стороне —
Эльфы, энты, маги
И возросшие в цене
Ценные бумаги!

Нет, не зря мое перо
Служит мне, поэту.
Голливудское добро
Победит планету,

И окупится вполне
Весь бюджет несметный,
(Хоть, признаться, ближе мне
Наш «Кощей бессмертный».)

ШЕЙХ МУХАММАД

Задержан сподвижник Бен Ладена —
Халид шейх Мухаммед, араб.
Досадно, что главная гадина
Опять ускользнула из лап.
Ни рана, ни прыщик, ни ссадина
Его не коснулась чела...
Но пойман помощник Бен Ладена —
Крупнейшая величина!

Героям по ордену дадено.
Сам Буш восклицает: «Виват!».
Ближайший! Помощник! Бен Ладена!
Который во всем виноват!
А все-таки что-то не вяжется.
И пусть я последний изгой —
Мы этих сподвижников, кажется,
Видали десяток-другой.

И все они, твари дрожащие,
Готовили крах «близнецов»,
И все они были ближайшие!
Их сколько, в конце-то концов?!
Все горы обшарили начисто,
Излазили весь окоем!
Да где же он, собственно, прячется?!
И сколько ближайших при нем?!

Но тайна не будет разгадана:
Ведь надобен антигерой.

Ближайший помощник Бен Ладена —
В Аравии каждый второй.
С тех пор, как Америка взорвана,
Спецслужбы ярятся в поту —
А все не догонят. Как Бормана!
Как русскую группу «Тату»!

Как трудно следящим и шарящим!
За них мое сердце болит.
А если бы нашим товарищам
Попался подобный Халид —
Ему б документы подбросили,
Потом допросили слегка —
И он на ближайшем допросе бы
Во всем бы признался ЧК.
Да сколько уже и призналось-то,
Спасая чекистскую честь!

Он скажет: «Не бейте, пожалуйста.
Я самый Бен Ладен и есть».

ТАЙНА ПОЛА

(Май 2003. Приехал Пол Маккартни.)

Страна была поражена: в субботу Путин принял Пола. Там были Пол, его жена и скромный гид мужского пола. Ловила жадно вся Москва беседы важные детали, но только общие слова до русской прессы долетали. О чем был главный разговор — гадать могли бы до утра мы, когда бы благородный вор нам не представил стенограммы.

ПУТИН:

Привет вам, милые, привет! Давно хочу спросить у Пола — без телекамер, без газет и вообще без протокола: вас обожало большинство, и меньшинство любило прочно — ваш рейтинг больше моего...

ПОЛ:

Не может быть!

ПУТИН (*хмуро*):

Проверил, точно. Мой — семьдесят, битловский — сто. Не веришь — спросишь у Суркова. И вот хочу спросить: за что? Чего вы сделали такого?

МАККАРТНИ (*чувствуя себя виноватым*):

Я ничего не делал, сэр! Мы просто музыку лабали! Я — на гитаре, например, а Ринго Старр — на барабане.

ПУТИН (*начиная сердиться*):

Мы много книг про вас прочли! Не надо с нами, как с ослами! Не замирили вы Чечни, Березу в Лондон не сослали,

не поднимали ВВП, телемостов не проводили — а только шлялись и т. п. по этой вашей Пикадилли. Ну там концерт, ну другой... Но извини — у нас в России Газманов левою ногой писал бы песенки такие! А как Кобзон у нас поет? Включи любую передачу — и сразу видно: патриот! А вы что пели? Чушь собачью! Мне переводчик перевел — там слабо с уровнем моральным. Сравни ты эти песни, Пол, с моим посланьем федеральным — легко поймет любой дурак, что я владею словом метким. А все же хлопали не так! Не так, как вашим шансонеткам! Я даже пенсии плачу, я в Грозном одержал победу, когда куда-то не лечу — так, значит, я куда-то еду... Кому ты пенсии дашь? Кому, скажи? Не прячь глаза-то! Ты все про йестеди поешь, а я — про радостное завтра! Так объясни же, отчего на всей земле на самом деле твой рейтинг выше моего?

МАККАРТНИ *(испуганно)*:

Не знаю, сэр! Мы просто пели...

ПУТИН *(задумчиво)*:

Ну вот, поди теперь ответь, кого возносит случай шальный... Чего же мне теперь — запеть? Сыграй-ка, Пол! Споем, пожалуй!

ХОРОМ:

Can't buy me love, yeah...

О, ИЛЬХАМ!..

Цветистое восточное поздравление по случаю победы на президентских выборах в Азербайджане Ильхама ибн Гейдара Алиева, мир с ними обоими.

(Июнь 2003)

Дни твои да продлит всемогущий Аллах!
Будь прославлен при трубах и колоколах,
Украшая Восток, погрязающий ныне
В талибанах, суннитах и аятоллах.

Продолжатель династии славной, Ильхам!
Коль захочет какой-нибудь жулик иль хам
Усомниться в победе твоей триумфальной —
Дай хорошую взбучку его потрохам.

Ослепительный, силой подобный быку,
Безраздельно родитель твой правил в Баку —
И к такому народ приучил послушанью,
Что преемнику можно лежать на боку.

Но лежать на боку ты не будешь, Ильхам!
Ты протикников резко осудишь, Ильхам!
Если кто понадеется на послабление,
Ты иллюзии эти остудишь, Ильхам!

Не затем же ваш клан узурпировал власть,
Чтоб под натиском западных вольностей пасть.
Если кто-то не хочет алиевской власти —
Да раскается эта ничтожная часть!

Слаще персика мед твоей речи, Ильхам.
Словно горы, крепки твои плечи, Ильхам.
Ожидают трепещущих оба народа
Вашей с Путиным царственной встречи, Ильхам.

Ты в застенки загнал оппозицию всю:
На Востоке, увы, не проходит сю-сю!
Никогда не давай ни малейшего шанса
Демократии, я тебя очень прошю.

Доведи это дело до точки, Ильхам!
Укрепляй свою власть без отсрочки, Ильхам!
Ты не можешь представить, как это печально,
Что у Путина есть только дочери, Ильхам!

ПОСЛАНИЕ К ИРИНЕ ХАКАМАДЕ,
Как если бы она домогалась моей любви

(Январь 2004. Правые потерпели на думских выборах катастрофическое поражение.)

Ты ни к чему, Ирина Хакамада,
У нас в степи.
Хотя тебе, наверно, хокку надо,
Но потерпи.
Тебе не будет никакого хокку,
И я клянусь:
Тебя не хочет ни с какого боку
Святая Русь!

Когда-то вы с Немцовым и Чубайсом
Пятнадцать лет
Имели нас по самое не бойся.
Тут рифмы нет,
Но мы народ простой, неприхотливый
И мы вполне
Без рифмы вовсе можем обходиться,
Когда хотим!

Когда бы ты под действием порыва
Любви земной
Вдруг извиваться стала похотливо
Передо мной, —
Тогда б науку вспомнил я отцову
И поднял плеть:
Ступай к Немцову, милая, к Немцову,
А к нам — не смей!

Мы скифы все, мы евро-азиаты,
Нас тьмы и тьмы!
Вы тем уже пред нами виноваты,
Что вы — не мы!
Вы все отнять хотите — от Тамбова
И до Курил.
Оденься, ты! — сказал бы я сурово
И закурил.

Но даже если б ты не уходила,
Нюня, стоя,
И мне сквозь зубы жалобно твердила
«Возьми меня» —
Я, может быть, к мольбам влюбленной гейши
Бы снизошел,
Но избирать тебя на пост главнейший
Бы не пошел!

Уже довольно Родина страдала
От правых сил!
У нас теперь ни правых сил не стало,
Ни левых сил!
Их никаких у нас теперь не стало —
Один патрон;
Теперь тебя нам только не хватало
Избрать на трон!

Езжай домой, Ирина Хакамада,
Езжай, и всё!
Там харакири, сакура, микадо,
Сумо, Басё,
Возьми с собою книги Мураками,
Сакэ, суши,
И впредь не трогай грязными руками
Моей души!

ДОВЕРЕННАЯ

(Февраль 2004)

Сцена изображает актовый зал МГУ. Владимир Путин встречается с доверенными лицами.

СВЕТЛАНА ХОРКИНА:

Владим Владимыч! Я... Как я тут есть гимнастка...
У некоторых вон брезгливая гримаска —
Простая девушка... Мол, брусья да бревно..
Но я хочу спросить! Спросить хочу давно,
Таким воспользовавшись случаем нечастым:
Чтоб вас поддерживать — что делать нам, гимнастам?
Хотя спортсмены мы, однако и у нас
Есть убеждения какие-то подчас!

КАНДИДАТ ПУТИН (смущенно):

Ну, что ж тут сделаешь? Какой с гимнастов спрос-то?
Вам надо выступать как можно лучше просто.
Растяжки там, прыжки... захват... хотя захват
Бывает у борцов, простите, виноват.
Ну, в общем, прыгайте, чтоб зрители рыдали,
Побольше ездите, возите нам медали,
Ласкайте гордость нам и утешайте глаз —
Я больше ничего не требую от вас!

ХОРКИНА:

Нет, я хочу спросить! Когда в другой же раз-то?
Скажите, лично вы хотите от гимнаста
Какого подвига? Вот, например, бревно:
Сам Ленин выступал на нем, хотя давно!

ПУТИН (*в легком раздражении*):

Я вам уже сказал! Ну ладно, повторюсь я:
Вам надо покорять коня, канат и брусья,
И кольца, и еще... что там у вас... козла...
А если вас страна в Афины отвезла —
Должны вы лучше всех скакать, ногами дрыгать,
И с лентою плясать, и через обруч прыгать!
И кушать хорошо! (Как нации отцом
Могу я быть с таким доверенным лицом?!).

ХОРКИНА (*отбиваясь от других доверенных лиц*):

Но я хочу спросить! Владим Владимыч, нате:
Вот вы сказали тут о брусьях и канате —
Скажите что-нибудь про кольца и батут!
Все наши девочки от счастья прям умрут!

ПУТИН (*еле сдерживаясь*):

Батут и есть батут! Гимнасты есть гимнасты!
Чего еще узнать хотела бы от нас ты?
Про ленту рассказать? А то про булаву?
Я больше никогда тебя не позову!

ХОРКИНА (*перекрывая шум*):

И вот еще: мы тут доверенные лица,
Что делать мы должны? Должны ли мы молиться
На вас? И вообще, Господь меня прости,
Я не могу понять, как мне себя вести!

ПУТИН (*в бешенстве*):

А я тебе скажу! Уж если ты гимнастка,
То прыгай, словно мяч, катайся, как колбаска,
Хоть бегай в колесе, хоть в обруче скачи —
Но на собраниях, пожалуйста, молчи!

ПАРДОН!

(Май 2004. Джордж Буш и Тони Блэр признали, что НАТОвские военнослужащие пытали мирных иракцев.)

БУШ:

Ну что сказать... Я как в пекарне...
Пытали пленных наши парни.
Пытали. Да. Я признаю.
Пускали, в частности, струю...

БЛЭР:

На одного они мочились,
А одному сломали челюсть,
Как сообщила нам ПАСЕ...
Но это делали не все!

БУШ:

Они, конечно, там устали,
Не то бы делать так не стали!

БЛЭР:

И я не стал бы, например!
Ты стал бы, Буш?

БУШ:

Не стал бы, Блэр!
Иракца, кстати, как ни мучай —
Он удивительно живучий,
И это, в общем, частный случай,
Раздутый вражеской молвой!
Их дома плохо воспитали,

И потому они пытали,
Но тот, кого они пытали,
Остался все-таки живой!

БЛЭР:

Мы их замучаем судами!
А как пытали при Саддаме?
Конечно, нас он не пытал...
Но я читал!

БУШ:

И я читал!
Конечно, пленных били током —
Но ведь не всех и ненароком!
Держали без трусов и брюк —
Но ведь не вешали на крюк!
И всем давали хлеб и воду!
И вообще, когда свободу
Несешь иракскому народу,
Чтобы тирана победить,
И мочишь всех, себе в убыток, —
То как управиться без пыток?!
Я точно знаю, что без пыток
Нельзя свободу насадить!

БЛЭР:

Ну, поколотят. Ну, повяжут.
Ну, будет трещина в хряще...

БУШ:

И пусть они спасибо скажут,
Что не убили вообще!

КАКОЙ ТЫ!

(Июнь 2004)

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина. Перед ним стоит президент Южной Осетии Эдуард Кокойты.

КОКОЙТЫ:

Прошу, от паники устав:
Моих сограждан успокой ты!
Возьми нас, Вова, в свой состав!
Мы рвемся к русским!

ПУТИН:

Ах, Кокойты!
Забудь резню, оставь возню,
Мы все давно уже решили —
Ведь если я тебя возьму,
Мне не простит Саакашвили!

КОКОЙТЫ:

Володя, что тебе грузин:
Кто он такой — и кто такой ты?
Ему лишь пальцем погрозим —
И он отступит!

ПУТИН:

Ах, Кокойты!
Конечно, ты не из разинь —
Вцепился в трон, живешь богато...
Но он не просто так грузин!
За ним же Буш и все ребята!

КОКОЙТЫ:

Володя, слушай, что нам Буш!
На это все глаза закрой ты.
Мы все — нас двести тысяч душ —
Хотим в Россию!

ПУТИН:

Ах, Кокойты!
Оставь напрасные мечты,
Тебе придется наклониться!
Ведь не Россию любишь ты,
А контрабанду на границе.

КОКОЙТЫ:

Ну да, люблю. И что с того?
Кто первый встал, того и тапки!
Россию любит меньшинство —
Все остальные любят бабки.
Делиться, кстати, я готов.
Уже теряешь рейтинг свой ты:
Где Абашидзе? Был таков!
А он за русских!

ПУТИН:

Ах, Кокойты!
У вас там ногу сломит черт!
Тебе скажи, а ты раструдишь...
Не русских он любил, а порт!
А ты... тоннель ты Рокский любишь!

КОКОЙТЫ:

Люблю! Но денег не любя,
Нельзя, Володя, миром править!
А также я люблю тебя —
Сильней, чем можешь ты представить.
Земля у нас сейчас ничья,
Ее, пожалуйста, прикрой ты —

Иначе новая Чечня
Вас ожидает...
(падает к нему в объятия).

ПУТИН (потрясенно):
Ах, Кокойты!

ЮБИЛЕЙНЫЙ РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ АНДРОПОВЫМ

(Июнь 2004)

Грудой дел отшумев и отхлопав, день отошел и угас вдаль. Двое в комнате — я и Андропов фотографией в родном «Огоньке». Светлым взором смотрит, как витязь, насквозь пронзая душу мою... Что вы сказали? «Прошу садиться?» Спасибо, не тревожьтесь, я постою. Товарищ Андропов, я вам докладываю. То есть закладываю, проще сказать. Товарищ Андропов, работа адская будет сделана и делается опять. Это ничего, что я так разговариваю? Трудно выбрать достойный тон... Делают по вашему, в общем, сценарию: сначала — богатых, прочих — потом. Олигархи уже сидят у параша и тщательно ждут перемен в судьбе. Наверху уже, в общем, почти все ваши. Хоть не «КГ», но по-прежнему «Б». Все точно помнят вашу методику — сейчас дословно произнесу: «Можно отнять любую свободу, но надо сначала дать колбасу!» И вот я сижу с колбасой в обнимку — а также не голый и не босой — и рапортую вашему снимку, как хорошо мне тут с колбасой.

В России много умных и грамотных, кто вам посвящает восторг и пыл. В Петрозаводске поставлен памятник: лоб — как у Ленина, нос — как был, а выражение — как у Тютчева: мол, стой, Россия, на страх врагам! Все говорят — вы хотели лучшего, но не успели, хвала богам. Спасибо вам, что вы не успели! Не то бы я, как некий герой, давно в деревянной лежал постели, а то и просто в земле сырой. Неважно даже — чистки, война ли... Долго

ли, в общем, найти заказ? Теперь вы, правда, меня догнали, но двадцать лет я прожил без вас.

Вы были правы, пресечь распад решив. Сегодня мы тоже не можем ждать. Так утверждает товарищ Патрушев *, а он-то знает, что утверждать. Теперь во власти не паралитики, а сплошь спортсмены, сажень в плечах, но... Что касается внешней политики, эта область пока зачахла. Мир стал какой-то однополярный. Чуть отпустили его — и вжжжик! Всем заправляющий Буш коварный ставит Ираком своих и чужих. А впрочем, таких подбирает лбов он и так не щадит чужих потрошков, как будто при вас еще завербован, а может, он наш, полковник Бушков?

На свете нет таких телескопов, чтоб в них увидеть грядущие дни, но я боюсь, товарищ Андропов, что контуры как бы уже видны. Хотя и лежим под западным выменем, всюю уже машем своим жерлом, и вашим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем. А так как я ни на шаг от правил и жизнь моя тут далеко не легка, прошу запомнить: я вас поздравил. По поручению «Огонька».

---

* Николай Патрушев. «Тайна Андропова». «Российская газета», № 3501 (федеральный выпуск) от 15 июня 2004 г.

ПОДПОЛЬЩИК ЕЛЬЦИН

(Сентябрь 2004)

ЕЛЬЦИН:

Даю решительную справку.
Тут говорят, что Ельцин стух...
Не для того я шел в отставку,
Чтоб говорить о чем-то вслух.
Пускай младое поколение,
Повсюду зрящее почет,
Вершит Кавказа покоренье
И губернаторов сечет.
Пускай бунтует, скажем, Ясин,
Бузит Немцов, собрав бранжу...
Когда я буду не согласен,
Я лично Путину скажу!

(Подбоченивается.)

Да! Несмотря на эту сложность,
На обстановку несмотря, —
Есть у меня еще возможность
Увидеть нового царя!
Хотя ему и дал я слово —
Пока на восемь лет вперед, —
Что, как бы ни было хреново,
Смолчу, как устрица об лед,
Но я могу! И я опасен!
И если вдруг когда-нибудь
Я буду с чем-то не согласен,
То я готов и намекнуть!

(Совсем гордо.)

Порой на верную ежиху
Урчать случается ежу!
Я позову его в Барвиху!
Да, позову! И так скажу:
«Конечно, от моих художеств
Народ дышать уже не мог;
Конечно, наша непохожесть —
Успеха вашего залог;
Конечно, ропот мой напрасен,
Но я заметить вам хочу:
Я не согласен! Не со-гла-сен!»

ПРЕССА (с надеждой):
И что?

ЕЛЬЦИН (грустно):
И всё. И замолчу.

БЕЛБАШИ

(Сентябрь 2004)

ЛУКАШЕНКО:

Я завершить хотел бы хеппи-эндом
Второй свой срок. Я правлю десять лет
И провести желаю референдум:
Вы дальше так хотите или нет?
Не торопитесь, граждане, с ответом.
Подумайте хотя бы пять минут.
Да, вам дадут свободу. Но при этом
Все остальное на фиг отберут.
То, что хочу остаться я — не прихоть.
Верчусь для вас как белка в колесе...
Да, грабят вас. Но так крадут мои хоты!
А при свободе грабить будут все!
(Обращаясь к пожилой женщине.)
Ты скажешь, я всегда в одну дуду, мать!
Но так же ж лучше! Я же вам не враг!
Опять же — при свободе надо думать,
А вы уже забыли — чем и как.
Россия терпит нас из чувства долга,
Но для нее мы, в общем, бульбаши.
Нам нужен вождь серьезный и надолго:
Пусть не Туркменбаши, но Белбаши!
Два срока для Отчизны отработав,
Сумел я крепко нацию связать.
Я вам построил рай для идиотов...
Для патриотов, я хотел сказать!
Готов уйти. И увести к тому же
Все льготы, все поблажки, весь диктат...

Но без меня вам будет много хуже,
И я не буду в этом виноват!
А так — покуда я стою, как стенка,
И подпираю лысиной зенит,
Во всем виновен батька Лукашенко,
А вас никто ни в чем не обвинит!
И потому я кланяюсь сердечно
Тебе, меня взрастившая среда:
Хотите ли, чтоб я тут правил вечно?
(Народ от избытка чувств безмолвствует.)
Ну вот. Теперь я буду жить всегда.

ШЕРШЕ ЛЯ ТИМОШЕНКО

(Октябрь 2004)

ПУТИН:

Я вас прошу продумать хорошенько
Один аспект.

ИНТЕРПОЛОВЕЦ:

Готовы мы дерзать!

ПУТИН:

Хотелось бы, чтоб Юлю Тимошенко
Вы объявили в розыск, так сказать.

ИНТЕРПОЛОВЕЦ:

Нам вашего вполне довольного слова,
Все вывесим сегодня же к пяти...
Но что она наделала такого?

ПУТИН (смущенно):

Допустим, я хочу ее найти.

ИНТЕРПОЛОВЕЦ:

Мы не хотим лишиться вашей дружбы,
Нам дорого кремлевское крыльцо...
Но на земле другие есть спецслужбы,
Чтоб отыскалось частное лицо!
У нас везде надежные фискалы
И лучшие разведчики земли,
Мы вам уже Гусинского искали,
Мы вам уже Закаева нашли!

Мы ценим клиентуру, князь московский!
Мы знаем толк в кинжале и глаще!
У нас сыскался даже Березовский,
Который не скрывался вообще,
И на его самодовольной роже
Читалось откровенное «Атас!»
(Вы знаете, что мы берем дороже,
Когда субъект не прячется от нас).
Мы всех хватаем, даже неприступных, —
Ведь нас и держат для борьбы со злом!
Но докажите, что она преступник,
И мы ее немедленно возьмем!

ПУТИН (*досадливо*):

С ней нет буквально никакого сладу!
У них случилась полная фигня!
Она переступила через Раду,
Павловского, Суркова и меня!

ИНТЕРПОЛОВЕЦ:

Действительно, какая совокупность...
Какой набор российских vip-персон...
Мне очень жаль, но это не преступность.
Преступен тот, кто преступил закон.

ПУТИН:

Вот, тоже мне, защитники свободы!
Вам просто лень потратить час труда!
Нарушила она закон природы,
Поскольку по нему я прав всегда.
Она теперь внушила миллионам,
Что Путин зря приказы издает...

ИНТЕРПОЛОВЕЦ:

Насчет природы лучше бы к «зеленым».

ПУТИН (*в сторону*):

Ты сам позеленеешь, идиот!

(вслух)

Чего я здесь с тобою караюлю?
Иль мой приказ тебе не по плечу?
Приказываю вам: найдите Юлю!
Немедля в розыск! Я ее хочу!

ИНТЕРПОЛОВЕЦ *(мягко улыбаясь)*:

Ну, раз такое дело, мистер Вова...
Влюбленному поможем мы всегда.
Считайте, милый друг, что все готово.

(в рацию)

Друзья, ищите женщину! Айда!

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ВЛАДИМИРЕ

(Ноябрь 2004)

Как ныне собирается вещей Вован
Поздравить вождя Украины,
Не зная еще, что Павловского план
Уже превратился в руины.
Он трубку виском прижимает к плечу:
«Я вас, Янукович, поздравить хочу!»

Польщен Янукович: не каждый премьер
С Вованом общается вещим!
Но как, не нарушив приличных манер,
Сказать, что поздравить-то не с чем?
Ероша хохол и кусая губу,
«Вы рано звоните», — он цедит в трубу.

«Да как это рано? — не понял ВВ.
— Ведь я же сказал, чтобы сразу!
Приказы мои исполняют в Москве,
Как только закончу я фразу!»
«Все так, — отвечает соседний глава, —
Но тут, к сожалению, пока не Москва».

«Ну ладно, — бурчит недовольный ВВ
И в ярости трубку бросает. —
Пока они тянут и пилят лаве,
Поеду я лучше на саммит!»
Но с саммита снова звонит Януку
И хитро ему произносит: «Ку-ку!»

«Ку-ку», — говорит Янукович в ответ.
Тогда с выраженьем зловещим
ВВ говорит: «Принимайте букет.
Иль снова ты скажешь, что не с чем?
Поставил я подпись! Ты понял, чувак?!»
Но вновь Янукович ответил: «Никак».

Меж тем и общественность как-то бузит,
Не ждавши такого сюрприза.
«Ты с чем поздравляешь его, паразит?!» —
Шипит из угла Кондолиза.
«С днем ангела!» — ей говорит ВВП,
А сам понимает, что это ЧП.

Три дня пробежало. Российский вожак
Настроен все резче и резче.
Он снова звонит: «Поздравлять или как?» —
Но, слыша привычное «Не с че...»,
Швыряет любимую трубку с гербом
И в твердую стену колотится лбом.

«Ну как это можно? — он стонет в тоске. —
Он что там — кидает монету?!
Когда я кого назначаю в Москве,
Вопросов, как правило, нету!
Бывает, назначишь кого-нибудь, мнать, —
И сразу же можно уже поздравлять!»

РАСЧИСТКА

(Ноябрь 2004)

По сообщениям прессы, московский мэр Юрий Лужков не планирует застраивать площадь, освободившуюся после сноса гостиницы «Москва».

Лужков, градская голова, глашатай сокровенных истин! Взамен гостиницы «Москва» ты площадь ровную расчистил. А мы не верили. Прости! Твой пыл для нас казался страшен. Элитный комплекс возвести ты мог бы там в пятнадцать башен, иль супермаркет «Разорю» с его многоэтажным лоском, чтоб загораживал зарю надменным жителям кремлевским, иль шестизвездочный отель с подземным паркингом бездонным, чтоб он подмигивал отсель московским нищим и бездомным, их дружелюбно веселя; иль огороженную зону игорных залов «У Кремля», иль просто памятник Кобзону! Да мало ли чего возвесть на всяком опустевшем месте ты можешь, не сочти за лесть, с подругой преданною вместе. Крутой фонтан в полсотни струй «Москва в уборе новогоднем», иль церетелевский статуй «Лужков грозит иногородним», где ты отеческой рукой ведешь за шиворот узбека! Ты это мог бы. Ты такой. Клянусь величием «Интеко».

Но ласковых твоих морщин коснулась благодать Господня, и площадь ровную, как блин, ты обещаешь нам сегодня! Тебя прельстил столичный вид. Ты чужд корыстного расчета. Застроить всякий норовит, а ты пойди расчисти хоть что-то. Увы, меня не изберут, толпе не любы индивиды, — а сколько б я расчистил тут! Какие бы открылись

виды! Как отдохнула бы земля! Я снес бы Думу, не стеляя, чтоб из Московского Кремля была избушка Лубяная ее поклонникам видна. Приятно глянуть, поработав! И телебашню, чтоб она не раздражала патриотов, я тоже снес бы, и давно, — жидомасонскую заразу... Ведь наше старое кино мы все видали не по разу, а ждать от башни новостей о нашей нынешней гланиде — наивнее, чем ждать гостей, когда зимуешь в Антарктиде. Искусство нынче не в чести, осквернены его скрижали. Большой театр хочу снести — там Волочкову обижали! Снести Большое колесо и карусель, его подругу, напоминающих, что все идет по замкнутому кругу. И фиг ли толку в колесе? Я предлагал — не понимают... Я снес бы памятники все — зачем они напоминают, что при палачестве у нас была великая эпоха, а как пришел свободы час, так тут же стало плохо, плохо! Обрушить ЮКОС прикажу. Зачем огромная домина, когда понятно и ежу, что он давно уже руина! Я все разнес бы до кости. Платить замучилось бы РОСНО. О, сколько я хочу снести! О, до чего мне все несносно!

Пускай развалины в плюще украсят ныне вид московский. Я все разнес бы вообще, как предлагал и Маяковский, — чтобы безвидна и пуста столица сделалась за сутки, чтоб можно с чистого листа начать историю... Но шутки такие нынче не в чести. Нелегкий год страну прожит. Подобной лирики снести читатель нынешний не сможет. Солнцеподобный мэр Лужков, чья несомненна лучезарность! В конце затянутых стишков прими простую благодарность за то, что голос суеты не заглушил в тебе эстета. Еще не все застроил ты. Благодарю тебя за это.

РАЗДАЧА

(Сентябрь 2004)

*Сцена изображает кабинет президента Путина.
Путин в задумчивости изучает карту России.*

ПУТИН (*про себя*):

С такой страной надо быть гимнастом
Лишь гибких уважает большинство...

(К министру иностранных дел):

Лавров! Скажи, пожалуйста: у нас там
Никто не просит больше ничего?

ЛАВРОВ:

Такие привереды нынче в мире!
Я предлагал японцам пол-Курил —
Они кричат, что могут взять четыре,
И чтобы я про два не говорил.

ПУТИН:

Вот черт возьми! Добром же предлагаем!
Я, кажется, еще позавчера
Про пару островов болтал с Китаем —
Они берут, но только полтора!

ЛАВРОВ:

Вчера, готовясь к вашему вопросу,
Я с немцами связался. Сам не рад:
Я Куршскую им предлагаю косу —
И не берут!

ПУТИН:

А весь Калининград?

ЛАВРОВ:

Ну, я спрошу.

А может быть, не надо?

Уже и так мы проигрались в дым.

Они же так дойдут до Сталинграда!

ПУТИН (*решительно*):

Нет, Сталинграда мы не отдадим!

Еще чего, мерзавцы, захотели!

Ведь там же Волга, русская река!

(*Задумывается.*)

Я б ничего не дал на самом деле...

Но для меня Россия велика!

ЛАВРОВ:

Уже писала импортная нечисть,

Что мы раздать готовы полстраны...

ПУТИН:

Но мы ж ее не можем обеспечить!

Все кризисы у нас обострены!

Мне самому, скажу тебе, досада

Рулить в такой разваленной стране,

Но столько населенья нам не надо,

А столько территории — вдвойне!

Куда нам всех девать, скажи на милость?!

Работы нету, все не по уму...

Вот населенье вроде сократилось —

Осталось впарить площадь хоть кому!

ЛАВРОВ:

Я чувствую себя мишенью в тире.

Ведь патриоты нас готовы съесть!

Ну что теперь, отдать им все четыре?

ПУТИН:

А лучше восемь! Или хоть бы шесть!
Россия все теперь без звука сносит.
Такое время по календарю.
Там Швеция земли у нас не просит?
А то я дал бы...

ЛАВРОВ:

Я поговорю.

АРАФАТ АКБАР

(Ноябрь 2004)

В парижской больнице лежит Арафат.
Малейшие слухи о нем — нарасхват.
При этом вторая жена его, Суха,
Дает эти сведенья скупо и сухо.
В четверг нам доносит газетный киоск,
Что печень в отказе и мертв его мозг.
Газеты, однако, напрасно кричали:
Открыл он глаза и общался с врачами.
Похоже, что правды нельзя раскопать:
То выйдет из комы, то в коме опять,
А Суха добавила, смазав картину,
Что скоро он едет домой, в Палестину:
Живой или мертвый — на этот вопрос
Она отказалась ответить всерьез.
Еще он не умер, еще Палестина
Боится оплакать любимого сына —
А в стане наследников пышно расцвел
Родимый арабский раздрай и раскол.
Евреи привыкли ругать Арафата,
А все-таки им без него страшновато:
К нему попривыкли во дни интифад —
Но кто-то заменит тебя, Арафат?
Конечно, не ангел и ты, Арафат, но —
С другим уживаться совсем неприятно;
Троцкист, маоист, исламист, террорист,
Циничен и на руку крепко нечист,
Не знает законов, не ведает срама —
Но все же он лучше, чем злобный Усама

(К тому ж Арафат не особо мешал,
Поскольку давно ничего не решал).
Нам, здешним, не так уж видна его злоба,
Для нас он, несломленный, важен особо.
От нашего детства — золотого, как сон —
Остались на свете лишь Кастро да он.
Как горестно с Брежневым он расставался,
Как сладко при встречах всегда целовался
В своей арафаточке — пестром платке,
Что так и зовется у нас в языке!
О милые, с детства родные картины —
Вот он защищает народ Палестины,
А подлый Израиль, где каждый — еврей,
Его притесняет громадой своей!
И вот, не склоняясь пред силою факта,
Я верю, что все же он выживет как-то.
За Ясира молятся тысячи душ,
Которым не нравятся Путин и Буш.
Я жить бы не смог под царем Арафатом,
Но пусть он останется хоть экспонатом!
Борцом в арафатке, при всем кураже.
Поскольку таких не бывает уже.

ЗЕЛЕНЫЙ ДРУГ

(Ноябрь 2004)

Осенью 2004 года доллар продолжил падение. Многие россияне разуверились в нем.

Люблю тебя, хоть ты не обещаешь создать со мной классической семьи. Ты спишь со мной (в подушке). Воплощаешь в себе одно все ценности мои. Ты символ власти, доблести, свободы, уверенности, нежности, еды. В тебе храню я прожитые годы. В тебя я воплотил мои труды. Ты заслонил кремлевские рубины, не говоря про русские рубли. Вся жизнь моя ушла в тебя, любимый. Отсюда и накал моей любви.

Идеи — фетиш. Мне не до идей уж. Патриотизм развеялся, как дым. Меня тревожит то, что ты худеешь, но ты мне даже нравишься худым. Мы связаны с тобой, как Холмс и Ватсон, как инь и ян, как горн и пионер, и как-то лучше падать вместе с баксом, чем подниматься с гривной, например. Толстеет рубль — теперь он весит много, но что мне проку от таких монет? Я на тебе читаю: «Верим в Бога». А на рубле читаю: «Бога нет».

Как опытный преступник — с адвокатшей, как модный галерейщик — с меценатшей, как эмират арабский — с эмиратшей, с тобой я свылся. Ты мне не чужой. Ты падаешь — но с женщиною падшей приятней, чем с неопытной ханжой. С тобой резервы русского народа, я верю, будут в целостности всегда. Пускай к финалу будущего года ты сбросишь пять процентов — не беда! Конечно, это бьет по нашим шеям и поджимает наши животы, но мы с годами все не хорошеем, и радостно, что с нами вместе ты.

В стране, где пахнет водкою паленой, где разбавляют даже молоко, — мне нравится, что ты такой зеленый и что тебя подделать нелегко. Что запретят тебя — мне думать больно. У нас ведь правят левою ногой... Но как люблю я чистый взгляд Линкóльна! Что? Лínкольна? Как скажешь, дорогой! Тебя мне не заменит Центробанк, блин! Как будто Центробанк Россию спас! Все хороши, но самый милый — Франклин. Он лучше Вашингтона в сотню раз.

Исчезнет евро — я стерплю потерю: ты перспективней, ясно и ежу. По-прежнему я все тобою мерю и все, что есть, в тебя перевожу. Среди российской вечной круговерти лишь ты один — надежность и уют. Как ты стыдливо прячешься в конверте, когда тобой зарплату выдают! Надежная, проверенная суша, добытая в мучительной борьбе... Пускай я не люблю, допустим, Буша. Но Буша ведь и нету на тебе!

Пусть ценник, украшающий обменник, грустнеет с каждым днем календаря, — тебе я верен, как кавказский пленник был верен долгу, грубо говоря. И с гордостью, глотая ком соленый, я говорю российским господам: «Он будет стоить тридцать, мой зеленый!»

А если нет, то я его продам.

ИГЛЕ И КУРНИ

(Декабрь 2004)

Покуда российские дурни пугливо держались корней, Иглесиас вышел за Курни — точнее, женился на ней.

Уж как ее все домогались в молодые ее времена — а нынче, товарищи, аллес! Другому она отдана.

Я вас поздравляю, Энрике! Внемлите правдивым словам: одни извращенцы и фрики еще не завидуют вам.

Один наслаждается ванной, машиной гордится другой — а вы наслаждаетесь Анной, рукою ее и ногой!

Пускай же шампанское, пенясь, рекою в бокалы течет. Вы рады, а как она в теннис играет — ей-богу, не в счет.

В Отечестве время такое, понятное даже ежу. Позвольте, короткой строкою я все это вам расскажу.

Я вам не открою Америк про пафос текущего дня. Вот есть Жириновский-истерик: какой он политик — фигня.

Немцов — сногшибательный мачо, как скажет вам каждая мать, и это большая удача; какой он политик — плевать. Есть также семья — Пугачевы: народ — их упорный фанат. Быть может, за песни? Да че вы! За то, что все время хамят!

Вот был Черномырдин Степаныч — какой он политик, вопрос, но скажет чего-нибудь на ночь — и граждане ржали до слез! Давайте мы сразу отметим различие наших систем: нам дороги все — но не этим! Не этим, а чем-нибудь тем! Россия — страна сантиментов, надрывных, как верхнее до. Мы любим своих президентов за их

увлечение дзюдо. Певцов — за скандальные слухи. Москву — за бутики и ГУМ. Дельца — за любовницу. В шлюхе мы ценим не внешность, а ум.

Нам книгами любы префекты, за хобби мы ценим вождей... Побочные эти эффекты для нас основного важней. Вы тоже влюблялись помногу, хотя и пошли под венец, — и нам совершенно, ей-богу, неважно, какой вы певец! Поет у нас каждый десятый, а выпьем — и каждый второй. Вы нам симпатичны зарплатой и тем, что деретесь порой, и тем, что женились на Ане, как доблестный рыцарь в плаще, — и нам наплевать, что она не играть не желает вообще.

Россия — не край, а отрада. У нас это свойство в крови. Работать тут, в общем, не надо, тут главное, в общем, живи. Побольше бокалов шампанских! Побольше игристых затей! Побольше вам русско-испанских, красивых и толстых детей! Ликуйте, Сантьяго и Ницца, приглясывай, русский медведь! Гораздо приятней жениться, гораздо полезней жениться, гораздо надежней жениться, чем в теннис играть или петь.

ЗАДЕРЖАНИЕ

Трагедия в одном акте

(Ноябрь 2004)

18 ноября Дорогомиловский суд Москвы приговорил Ильдара Бичарова к двум годам лишения свободы (условно) за «покушение на дачу взятки должностному лицу» (ст. 291, ч. 2).

Это означает, что отныне единственным средством обогащения сотрудников ГИБДД на всем пространстве РФ становится их служебное рвение. Ничем, кроме количества задержанных и оштрафованных, это рвение измеряться не будет. Можно прогнозировать резкий рост числа оштрафованных за грязный номер, отсутствие аптечки и неуставную форму одежды. Недавно Союз писателей России объявил конкурс на лучшую пьесу о сотрудниках охраны общественного порядка. Вносим свой скромный вклад и просим принять от нас истинно шекспировскую трагедию «Задержание».

Сцена изображает столичную улицу с разделяющей ее двойной сплошной линией. Автомобиль пересекает двойную разметку. Представитель ГИБДД останавливает дерзкого мерзавца.

ИНСПЕКТОР (отдавая честь):

— Сержант Мозгуев! Попрошу права.

НАРУШИТЕЛЬ (робко):

— Я тороплюсь... Я никогда не буду...

ИНСПЕКТОР (уверенно):

— Вот все вы так! Не будете, конечно,
Когда права инспектор отберет,
И получать замучаетесь после!
Прошу в машину. Пишем протокол.

НАРУШИТЕЛЬ (*трепеща*):

— Но я ведь в первый раз... Но я прошу...

ИНСПЕКТОР (*звонко*):

— Вот все вы так! Еще куда б ни шло,
Когда бы вы попали под кирпич,
А тут двойная линия разметки!
Двойная, понимаете? Когда бы
Еще хоть одинарная была,
А то двойная! Линия разметки!
Да ведь двойную линию разметки
Пересекать... За это можно прав
Лишиться! И сейчас вы их лишитесь!

НАРУШИТЕЛЬ (*шепотом*):

— Есть деньги у меня... Хотя чуть-чуть,
Но все-таки... Возьмите, не обидьте...

ИНСПЕКТОР (*в ярости*):

— Что вы мне предлагаете?! Как можно?!

НАРУШИТЕЛЬ:

— Пятьсот...

ИНСПЕКТОР:

— Да как вы смеете?!

НАРУШИТЕЛЬ:

— Шестьсот...

ИНСПЕКТОР:

— Да как вы сме...

НАРУШИТЕЛЬ:

— Семьсот, и больше нету.

ИНСПЕКТОР (*с достоинством*):

— Да это покушение на взятку
Лицу, и должностному! И притом —

При исполнены! Двести девяносто
Один, часть «бэ»! Что значит — до восьми!
Иль штраф в шестьсот окладов минимальных!

НАРУШИТЕЛЬ (*в отчаянии*):

— Ну ладно, штука...

ИНСПЕКТОР:

— Двести девяносто
Четвертая! Препятствуете вы
Расследованию должностным лицом
Свершенного собою преступленья!

НАРУШИТЕЛЬ:

— Нет, нет, как можно! Просто я привык,
Что иногда... мы платим штраф на месте...

ИНСПЕКТОР:

— А это триста шесть, пункт первый! То есть
Заведомый донос! Ги Бе Де Де
Не может взятки брать!

НАРУШИТЕЛЬ:

— Какие взятки?
Я про взаимовыгодную сделку...

ИНСПЕКТОР (*гордо*):

— Вы говорите — сделка? Это пахнет
Сто семьдесят девятой — принужденье
Партнера к сделке! Года три, не меньше!

НАРУШИТЕЛЬ:

— Ну хорошо. Тогда давайте так:
Я это уронил, а вы нашли...
(*Роняет купюру.*)

ИНСПЕКТОР (*с вызовом*):

— Что вижу я? Роняете вы в грязь
Купюру государственную нашу?!

Символику хотите оскорбить?
Тут пахнет двести семьдесят девятой,
Сиречь вооруженным мятежом!
До двадцати!

НАРУШИТЕЛЬ (*перепуган*):
— Ну ладно, ладно, ладно!
Все, как хотите! Только не сердитесь!
(*Пытается поцеловать руку инспектору.*)

ИНСПЕКТОР (*с возмущением*):
— Статья сто тридцать третья! Сексуально
Хотите помогать? Срок до года!

НАРУШИТЕЛЬ (*густо краснея*):
— Я не хотел! Ей-богу, человек
Я честный... У меня жена и дети...

ИНСПЕКТОР:
— Ага! Вовлечь несовершеннолетних
Хотите в преступленья? Это сто
Пятидесятая. И до пяти.

НАРУШИТЕЛЬ:
— Я безупречно характеризуюсь
Сотрудниками...

ИНСПЕКТОР:
— Ложная реклама,
Сто восемьдесят два! До пары лет!

НАРУШИТЕЛЬ:
— Да что же мне попался за садист!
(*Плюет на обочину.*)

ИНСПЕКТОР (*невозмутимо*):
— Статья сто двадцать девять — клевета,
Потом статья сто тридцать — оскорбленье,

А также двести пятьдесят четыре
За землепорчу: нечего плеваться.
Короче, в сумме — года полтора...
А может, три... Как дело повернется...

НАРУШИТЕЛЬ (*в истерике*):
— Убей меня! Убей меня, сатрап!

ИНСПЕКТОР (*сдержанно*):
— Склоняете к убийству? Заказать
Себя хотите? Что ж, до десяти...

НАРУШИТЕЛЬ (*яростно*):
— Я сам тебя убью!

ИНСПЕКТОР (*с достоинством*):
— Сто девятнадцать.
Угроза. Это запросто. До двух.

НАРУШИТЕЛЬ (*махнув рукой*):
— Пошел бы ты!

ИНСПЕКТОР:
— Эй, вы! Куда, куда!
Бросать меня в таком опасном месте,
На перекрестке! Это оставленьё
В опасности, статья сто двадцать пять!

Занавес.

ИНАУГУРАНТ БУШ

(Январь 2005)

ГОЛОС ПУТИНА *(в трубке):*

Послушай, Джордж! Звоню тебе, как другу.
Есть несколько вопросов, но сперва
Хочу тебя поздравить с ина... угу...
Короче, с тем, что ты опять глава.

БУШ *(прочувствованно):*

Спасибо, Вов! И я тебе, как другу,
Готов сказать, что ты мне всех родней...

ПУТИН *(перебивает):*

Но ты толкнул какую-то речугу!
Я кой-чего не понимаю в ней!
Я уточнить хотел бы для проформы,
А то Россия тоже не поймет.
Вот ты сказал, что, делая реформы,
Не худо уважать бы свой народ.
А то иной берется слишком круто —
И вся страна в прогаре, почитай...
Ты, собственно, кого имел в виду-то?

БУШ *(испуганно):*

Китай!

ПУТИН *(успокоенно):*

И я подумал, что Китай.
Вот пара фраз буквально авантюрных —
Мы тут буквально все потрясены.

Мол, те, что кое-где томятся в тюрьмах,
Есть будущая власть своей страны.
А ежели тиран не верит в это,
То он недальновидец и дурак.
Скажи, кого ты держишь в голове-то?

БУШ (*смущенно*):

Ирак!

ПУТИН (*обрадованно*):

И я подумал, что Ирак!
Еще один вопрос — и я отстану.
Одна деталь меня буквально жжет.
Ты говорил, что есть на свете страны,
В которых власть свободу бережет,
Не жмет на кнопки, не ломает клавиш,
Но управляет, личностей ценя...
Ты, собственно, кого в пример-то ставишь?

БУШ (*в отчаянии*):

Тебя!

ПУТИН (*удовлетворенно*):

И я подумал, что меня.

НАЗНАЧЕНО!

(Январь 2005)

В январе 2005 года были объявлены имена первых губернаторов-«назначенцев» (в Саратовской, Амурской областях, Еврейской автономной области и Ямало-Ненецком автономном округе.)

Вхожу в кафе. Прошу себе меню. Официант, загадочен и мрачен, мне говорит, что выбор мой назначен и пусть я в этом сам себя виню. Так лучше с точки зрения морали, так думают эксперты и печать, но все, что мы когда-то выбирали, теперь нам будут сверху назначать. Либерализм, выходит, канул в Лету. Возьмите борщ и выпейте до дна.

Я говорю:

— Но я хочу котлету!

Он говорит:

— Котлета вам вредна.

— Ну хорошо, — я говорю в ответ, — привыкну я и к этой перемене... Но, может, завтра можно мне котлет?

— Нет, завтра, — говорит, — у нас пельмени.

— Ну ладно, — говорю, — пойду к жене. Но я ведь не женат; жениться, что ли? Хоть это-то в моей покуда воле — иль и жену теперь назначат мне? Иду к Марусе. Говорю: «Маруся! Моею будь, ты лучшая жена!»

Она в ответ:

— Сейчас я разревуся, но я уже другому отдана. Женою я назначена соседу, его зовут Иван Попийвода, и завтра же к нему я перееду, хотя клянусь любить тебя всегда. И то сказать — у нас опасна воля! Начнется хаос, подкупы, пиар... Тебе ж, увы, назначен некто Коля. Вы

лучшая из всех возможных пар. Увы, ты часто злишься беспричинно, ворчишь на президента, рвешься в бой... Он усмирит тебя.

— Но он мужчина!

— А женщина не справится с тобой!

— Ну что же, — говорю. — Чего же боле. Такой судьбы не пожелать врагу: котлеты нету, я женат на Коле... Но что-то выбрать я еще могу!

Иду домой, шагаю к гардеробу, хватаюсь за рукав от пиджака — из гардероба тянется рука и мне подносит каторжную робу, хотя и подновленную слегка.

— Что это? Может быть, в порядке штрафа? — я спрашиваю, словно идиот. И мне в ответ доносится из шкафа: «Нам лучше знать. Ей-богу, вам идет».

— Любой мой выбор, значит, неудачен? — я говорю, хватаясь за чело. А мне в ответ:

— Но ты сюда назначен! И ведь живешь? Привыкнешь, ничего. И сам подумай, милый: не порали нам отойти от ельцинских начал? При нем вы что попало выбирали, и ничего никто не назначал — и нагло жировал политехнолог, и подкуп откровенно правил бал... Но радуйся: бардак у нас недолог. Он всю страну изрядно задолбал. Чуть-чуть поропщут дураки и дуры — они себе же сделают хуже, — а после всем назначат процедуры, начальников, одежду, жен, мужей... Подумай, экономия какая! Когда-то баба, мужа завлекая, на тряпки столько тратила, а тут, разврату нипочем не потакая, ей мужа при рождении дадут! Чтоб выбором не мучиться напрасным меж, например, коричневым и красным, ты будешь сразу серый получать...

— Ну что же, — говорю, — пора кончать. Кончать с собой, не думайте плохого. Пойду повешусь, что ли. Извини.

— Нет, — говорят. — Забудь про это слово. Стреляться — да, а вешаться — ни-ни.

МИША-ОППОЗИЦИОНЕР

Опера в одном действии

(Февраль 2005)

Сцена изображает дачу Михаила Касьянова. На нее дружно явились представители олигархии, оппозиции и прессы.

ОЛИГАРХИ (*поют басом*):

Мы все к тебе: спасай, Касьяныч!
Страна устала от невзгод!
Подумать страшно, глядя на ночь,
Что ждет Россию через год!
Восстань в Георгиевском зале!
Нас губит этот троглодит.
Нам руки, в сущности, связали.
«Лежать, и молча!» — всем сказали.
Кто не лежит — уже сидит!
Ты наша главная отрада,
В России полная байда...

КАСЬЯНОВ

(мужественным баритоном):
Я не могу!

ОЛИГАРХИ:

Но надо, надо!
А если что, то мы всегда!
*(Хлопают себя по кошелькам,
отходят в сторону.)*

ОППОЗИЦИЯ (*тенора*):

Услышьте жалобы и пени,
Не бойтесь Родину спасти!
При вас, Мих-Мих, и при Бе Эне,
Конечно, было не ахти:
Стояла странная эпоха,
Клубилось множество проблем...
Но нам-то было, блин, неплохо!
А нынче плохо стало всем.
Воспряли мы, тебя услыша!
Покинь халат, веди нас в бой!

КАСЬЯНОВ (*с надрывом*):

Я не могу!

ОППОЗИЦИЯ:

Но надо, Миша!
А если что, то мы с тобой!
(*Отходят на задний план
и стыдливо консолидируются.*)

ПРЕССА (*фальцетом*):

Вы высоки и франтоваты,
У вас во взоре есть огонь,
И остальные кандидаты
На вашем фоне — шелупонь!
Вас звал когда-то пул кремлевский
Почетной кличкой «Жених».
Конечно, вы не Березовский,
Допустим, вы не Ходорковский,
Но вы ничем не хуже их!
Мы распиарим претендента,
А вы дадите нам дышать!

КАСЬЯНОВ (*в задумчивости*):

А фиг-то, собственно... А хрен-то...

(решительно):

Ну ладно, ладно. Два процента!
Вы это помните?

ХОР (в восторге):

Хоть пя-а-а-ать!

НЕПРАВИЛЬНАЯ ПОБЕДА

(Февраль 2005)

Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга высказалась о предстоящем юбилее Победы

Недавно Вике-Фрейберга (она рулит куда Латвией свободной) сказала, что она раздражена российской хамоватостью природной. Мы не вольны, промолвила она, внушить манеры русскому соседу. Пускай они там пиво пьют до дна за эту их несчастную Победу, пусть на газете чистят воблин бок и, оторвав куски от рыбьей тушки, под рев гармони шпарят назубок свои неэстетичные частушки — нам варваров исправить не дано. История загонит их в парашу. Мы будем пить не пиво, а вино, и не за их победу, а за нашу.

Простите этот вольный перевод, но суть сводилась к этому, ей-богу. Итак, латвийский доблестный народ не хочет пить за нашу Перемогу*. Не мне Европу гордую учить, — ее авторитет не поколеблен, — но Фрейбергу я должен огорчить. Она, похоже, будет в меньшинстве, блин. Не зря полки шагали на убой. Не только в Новом, но и в Старом Свете за ту победу станет пить любой, раскладывая воблу на газете. И англичане, дружно разложив на свежей Times бекон и чикен-карри, поднимут крепкий эль за тех, кто жив из тех, кто фрицам надавал по харе. Французы, разложив на «Фигаро» свои сыры и жирные паштеты, — о, как течет слюной мое перо, о, Франция упитанная, где ты! — поднимут тост среди парижских крыш за тех, кто в Resistance отличился, а вовсе не за тех,

---

* Перемога на украинском и белорусском — победа.

кто сдал Париж и под Виши от страха обмочился. И даже в Штатах, кажется, полно таких, что в память доблестного года свое калифорнийское вино закусят сочным лобстером Кейп-Кода — и, положив на «Вашингтонский пост» отваренного краба-исполина, возьмут его за ярко-красный хвост и скажут: «Ну, за взятие Берлина!» О Вайра! Я пишу вам из Москвы. Простите, я известный безобразник. Мы выживем, ей-богу, если вы в Россию не поедете на праздник. Пятнадцать лет мы, кажется, живем без Латвии — пленительной простушки, и нашу воблу жесткую жуем и распеваем грубые частушки. И пусть глава свободных латышей, угрюмая, как гордая гиена, разложит пару заячьих ушей на доблестном таблоиде Diena** — оскалится, как нильский крокодил, который плачет, если безутешен, — и выпьет не за тех, кто победил, а за того, кто в Нюрнберге повешен.

** Diena — ведущая рижская газета.

БЛАГОДАРНОСТЬ

(Февраль 2005)

По всей стране прокатились прекрасно организованные демонстрации, на которых благодарное население под водительством единорогов выражало признательность партии и правительству за монетизацию льгот

Открываю я давеча блок новостей — слава богу, они по-февральски пустые, — и тотчас пробирает меня до костей незабываемый восторг пред величием России! Демонстрации маршем идут по стране — вместо сна, вместо отдыха, вместо работы — и кричат, подражая святой старине: мол, хвала тебе, Путин, что отнял ты льготы! Протестующих надо загнать за Можай, чтоб они не позорили русскую старость. Не смотри на них, милый! Свое продолжай! Ты же знаешь, у нас еще столько осталось!

Так случилось — сейчас я как раз в Ю-Эс-Эй, весь февраль я нахально сижу в Каролине. Я тут вел семинары для местных детей, и меня три недели за это кормили. Но прочел — и как будто попал под обвал (каролинцы, увидев, пожали плечами). Я по Родине, в общем, и так тосковал, но теперь я буквально рыдаю ночами! Ах, какая там, значит, пошла полоса! Ах, какая вернулась родная картина! Там дешевая, может, уже колбаса? Там бесплатная, может, уже медицина? Может быть, там опять разморозили БАМ, и ввели продзаказы с тушенкой из сои, и грозятся Америке дать по зубам, если та не закончит с программой СОИ? О любимое детство, вонючий уют! Кто застал эти радости — те понимают. Кроме сроков, почти ничего не дают, и народ благодарен, когда отнимают! Как я помню те праздники, чистый рассвет, неизменная с пер-

вого класса программа: демонстрация утром, потом ви-негрет — и блокбастер от студии Горького «Мама». Но зато добродетель, назло сатане! Наслаждались любым октябрем или маем. Понимали, что жили в великой стране. И теперь, если честно, опять понимаем.

Не могу эту радость в себе удержать. Не поверите — сердце заходится в гимне. От восторга мне хочется к стенке прижаться аспирантку Мелиссу. Мелисса, скажи мне: вот когда бы ваш Буш, провались он сто раз за попытку давленья на русскую душу, медицинские отнял страховки у вас — вы пошли бы на стрит с благодарностью Бушу? Идиот, говорит мне Мелисса в ответ и при этом старается выглядеть строже, — мы бы сразу импичмент ему, и привет! И не тискай меня, не Россия же все же.

Вот поэтому вы не великий народ. Вот поэтому мы — гегемон на планете. Только жаль, что меня не берут в оборот, что идут без меня демонстрации эти! Ведь на мне — все того же величья печать, тут в Америке я — как свинья в кринолине, мне хотелось бы тоже идти и кричать, чтоб от этого вздрогнули все в Каролине! И один, без знамен, полусумраком скрыт, на прохожих таращась, как снулая рыба, я иду к себе в кампус по Southern Street и шепчу в восхищении: «Путин, спасибо!»

КВОТНИЦЫ

(Февраль 2005)

Председатель Центризбиркома Александр Вешняков представил новую редакцию закона «О выборах депутатов Госдумы». Он предлагает ввести «гендерную квоту», согласно которой в партийных списках должно быть не менее 30% женщин.

Стал Вешняков вводить на женщин квоты: сперва — в Госдуме, дальше — по стране. Сначала я сказал себе: «Да что ты!», но вдумался — а почему бы не? Не меньше трети надо их в Госдуме. И каждой чтоб регламент — полчаса, чтоб больше не тонули в общем шуме их звонкие, живые голоса. Отличнейшая мера (я серьезен). Без них парламент действует с трудом. Ведь женщины же лучше, чем Рогозин, и точно уж, чем Слиска! (Ой, пардон...) Процент козлов хоть так бы стал уменьшен. Окрестный мрак не так бы стал глубок. И вообще квотированье женщин — отличная идея, видит Бог! Возьмем меня. Живу и в ус не дую, а жизнь моя меж тем обделена. Я трачу время на чухню любую, а много ли на женщин? Ни хрена! Того не можно более терпеть. Прошу закон из нескольких статей, чтоб тратил я на них не меньше трети рабочих дней. Могу до двух третей. Опять же деньги: вот живу, не плачу, зарплата есть, хватает для житья — но как же мало я на женщин трачу! (Жена не в счет, она второе «я».) И вновь о деле: скажем, я не чайник, однако на работе, господа, терзает дважды в день меня начальник — а женщины буквально никогда! Я требую на это тоже квоты! Чтоб в день хоть раз (но я согласен пять) меня могла потребовать с работы на свой ковер любая. И терзать. По-

том метро: тут тоже нет причины отбрасывать предложенную треть. Войдешь в вагон, бывало, — сплошь мужчины, и все уроды, не на что смотреть! Буквально стало ездить неприятно. Представить их в постели — просто страх. Хорошенькие бабы, вероятно, раскатывают сверху в бумерах. Я требую ограниченья эти распространить на наши поезда, чтоб в каждом было их не меньше трети, хороших! И у любой... ну да! И у любой — открытая улыбка! Я греюсь под лучами женских глаз. Мне кажется, ужасная ошибка, что нету их в правительстве у нас. Вот так, бывало, смотришь на Фрадкова или на Шойгу, Боже упаси, — и наслажденья в этом никакого, и кажется, что страшно на Руси! А если б баб туда, не меньше трети, — Фрадков бы стал смотреться как жених, и не роптали б старики и дети на то, что льготы срезали у них. С правительством таким бы никогда бы до ропота и близко не дошло, поскольку знают все, что если бабы — то денег ждать как минимум смешно.

ВАШИХ НЕТ

(Февраль 2005)

В подмосковном пансионате 27 февраля состоялся первый, строго засекреченный съезд новой молодежной организации «Наши». Инициативу ее создания приписывают главному пиарщику президентской администрации Владиславу СУРКОВУ

О, новая радость детей, стариков и прочих насельников Раши! Ужасно мне хочется в «Наши», Сурков. Сурков, запиши меня в «Ваши»! Я знаю, ты вырос и в разум вошел в эпоху маразма и гнили, когда «Запишите меня в комсомол!» в четырнадцать лет говорили. Давно уже мне не четырнадцать лет (стареть неприлично поэту), и нет комсомола, и партии нет, а главное — радости нету! Теперь-то, я верю, ты сразу мне дашь и денег, и счастья, и смысла. Мне радости нет, потому что не ваш. А с вами мне будет некисло!

Ведь ваши теперь — побеждающий класс. Вы с каждой неделей краше. Ведь ваши купили «Юганскнефтегаз», и льготы оттяпали — ваши. Любимые наши! «Единство» ценя, ненаших погнали вы в шею. Похоже, что ваши имеют меня и все, что я лично имею. Хотите, я брошу стихи и статьи? Хотите, пинок мне навесьте, но только примите вот в эти, в «Свои», в идущие с нашими вместе! Хотите, я вызубрю ваш инструктаж и к черту pošлю своих Саш и Наташ, хотите, и сделаюсь тверд, как грильяж, и стоек, как шведская стенка, чтоб только сказал одобрительно «Наш!» любимец детей Якеменко.

Но, чтобы просить о приеме в ряды, не стоило пачкать бумагу. Сурков! Чтоб мои ты увидел труды, для вас

сочинил я присягу. Чтоб вздрогнул при звуке ее маловер, чтоб скауты сжались кургузо, чтоб детям послышалась музыка сфер — «Хорст Вессель», допустим, «Рамштайн», например! Чтоб мог не стыдяться повторить пионер Советского, на фиг, Союза!

«Клянусь Перуном, четой, нечетой, клянусь Марракотовой бездной, клянусь бюджетника я нищетой, великой и малою Русью святой, клянусь диктатуры упругой пятой — резиновой, а не железной! Опричиной грозной, Потешным полком, петлею Ивана, Петра кулаком, пенькою и лесом, икрой, балыком, нефтянкой, Лубянкой, нетленкой — и всем, что успел я всосать с молоком, детсадовским, с вечною пенкой! Клянусь Кольцевою твоей, о Москва. Клянусь оборонкой, что вечно жива. Клянусь автоматом Калашникова, Гагарина горним полетом — клянусь, повторяя святые слова: «Считайте меня патриотом».

Я буду страшнее, чем кузькина мать, и чище, чем сорок монашек. Я буду ненаших ногами пинать, где только увижу ненаших. Я буду любить доброту, простоту, я буду любить красоту, чистоту, ее защитить я за счастье почту, коль будет нуждаться в защите, — не всякую, братцы, конечно, а ту, которую вы разрешите. Я буду с хорошею книгой дружить, зимой закалять свое тело и нашему общему делу служить, не зная, что это за дело, я буду носить карабин, патронташ, хоть это не очень красиво, но чтобы с печатью и с надписью «Наш» была мне дарована ксива. За это я верю, правдой, добром, руками, ногами, пером, топором, погромом — коль будет вам нужен погром — служить обязуюся благу! Век воли не знать, разрази меня гром».

Вы примете эту присягу?

Не надо ни денег, ни новых портков, ни порции гурьевской каши, ты только одно объясни мне, Сурков: го-жусь я теперича в «Ваши»?

ЖИВОЙ ТРУП

(Март 2005)

ПУТИН:

Любой доклад нахальнолжив...
Спецслужбы — кучка разгильдяев...
Шамиль Басаев все же жив?
Иль все же мертв Шамиль Басаев?
Как трудно при таком враге,
Почти невидимом отсюда!
Не будет счастья мне, покуда
Он скачет на одной ноге!
(Подходит к селектору.)

Утешьте, правду доложив!
Тоскую, сам себя измаяв!

СЕРГЕЙ ИВАНОВ *(в селекторе):*
Мне как-то кажется, что жив...

НИКОЛАЙ ПАТРУШЕВ *(там же):*
Надежно мертв Шамиль Басаев!
Не верьте всяческой пурге,
Поверьте нашему рассказу!
Никто сегодня по Кавказу
Не скачет на одной ноге!

ПУТИН *(мрачно):*
Ну вот, извольте править тут,
Среди дружков оперативных...

ТАИНСТВЕННЫЙ ГОЛОС СВЫШЕ:
Любезный друг, они не врут!
Каков ты сам — таков противник!
Ты зришь в чеченском очаге
Лишь отражение раздора:
Тут вся страна — полуживая
И скачет на одной ноге!
Народ почти забыл слова,
Писаки рты позакрывали...
А экономика — жива?
А Дума дружная — жива ли?
Вы все ни живы, ни мертвы,
Я это вижу и без лупы...
Вокруг — одни живые трупы.
Таков и враг у вас, увы.
Край безнадежного труда,
Тупых разборок, бонз капризных...
Я сам не знаю иногда —
Россия это или призрак?
Подумай, в общем, головой,
Не слушай местных краснобаев...

ПУТИН:

Кто это?

ГОЛОС (*успокоительно*):

Думай, что Басаев...

ПУТИН (*с надеждой*):

Так ты живой?

ГОЛОС:

А ты — живой?

ПРИГЛАШЕНИЕ

(Март 2005)

Президент посетил фронтовую разведчицу Антонину Ефремову, подарил ей «волгу», поцеловал у нее орден и принял в дар банку варенья. Есть предложение пойти дальше. Президента — в каждый дом! И жизнь будет искриться, как шампанское, хлещущее фонтаном из рога изобилия

Я жажду, чтоб ко мне приехал Путин. Ведь боги у людей порой гостят? Хочу, чтобы со мною взял на грудь он по двести грамм. Ну, пусть по пятьдесят. Мы с Путиным не виделись доньше. Я до сих пор не знаю: он какой? Ведь в Серпухов он съездил к Антонине Ефремовой? А я ведь под рукой! Вошел бы, дружелюбен и нестрашен, в мой отчий дом в одном из тихих мест. Сказал бы, что подъезд давно не крашен (и тотчас бы покрасили подъезд). Сказал бы, что мои стихотворенья порой длинные, но в целом хороши. А я бы вынул баночку варенья и дал ему — бесплатно, от души. Или грибков — по августовской рани я сам собрал их, не жалея сил. Он дал бы их попробовать охране, а после, может, сам бы надкусил. И молвил бы: «Ну ладно, Дмитрий Львович, московский, с позволения, поэт. Конечно, ты тенденцию неловишь и толку от тебя большого нет, не знаешь меры ты по части блуда, в крови твоей бесчинствует Сион — но бог с тобой, пиши себе покуда. Хотя в грибах ты более силен».

Как я расцвел бы от таких диковин! Я стал бы так возвышен и духовен, как после первой рюмки — алкаши! Вбежал бы в «Огонек»: «Ты слышал, Вдовин? Сам президент мне разрешил — пиши!». А Вдовин бы ко мне на-

встречу вышел и с мимикой безжалостной судьбы ответил так: «Да ладно, все я слышал. Писать — пиши, но только про грибы».

Еще предвижу я вопрос от Влада, который скажет эдак не без яда: «Все это не лояльность, а корысть!». «Мне ничего от Путина не надо!» — ответу и в лицо ему — хлопбысть! Корысти нет. Мне, что ли, не с кем квасить? Варенья, что ль, другим не отнести ль? Я, что ли, не могу подъезд покрасить? Я просто не люблю гламурный стиль... Следите, гады, глаза не смыкайте — когда и в чем проданся я ему? Пусть не на «волге», пусть на самокате приедет он — я все равно приму! Мне будет просто, так сказать, приятно. Мне даже говорить не надо с ним. Про Родину? С ней все уже понятно. Про смысл всего? Но он неизясним. Я посмотрел бы с ним бы киноленту, попил бы с ним бульона от «Нестле»... Я чувствовать хочу, что президенту нужны мы все, и сам я в том числе. А то гляжу, как город мой завьюжен, покорно погружается во тьму, и думаю, что здесь никто не нужен. Ни Путину, ни Грефу — никому. Зачем Отчизна мучится, рождает, выводит поколения на свет? Здесь ни к кому никто не приезжает. За кем-то — да. А чтоб к кому-то — нет.

Но пусть моя душа грустит и бредит под бременем бесплодного труда — я верю: он когда-нибудь приедет, не так уж это трудно, господа. Достаточно подумать головою — что для такого надо сделать мне? Разведчицею надо фронтовою сначала быть и выжить на войне. Потом среди российского пейзажа возделывать участок небольшой. Лет шестьдесят водительского стажа иметь нелишне будет за душой. С чиновником выдерживая сечу, поднять из праха памятник бойцам. Потом прорваться к Путину на встречу — и в тот же вечер он приедет сам! Живой, как жизнь. Несбыточный, как морок. С охраной из десятка верных лбов. Я верю, лет хотя бы через сорок или пятьдесят...

Пойти собрать грибов.

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

(Март 2005)

Самые богатые люди России — топ-менеджеры ведущих корпораций—слетали на полдня в Киев, чтобы встретиться с Виктором Ющенко. Вслед за ними по проторенной дорожке отправился и президент Российской Федерации

Летит, летит на Украину крутой десант РСПП *. Он по-редел наполовину, поиздержался и т.п. Уже он несколько оципан, утратил лоск Больших Котов — но, слава богу, не погиб он и к новым подвигам готов. Позвал их лидер ряболиций, отважный Ющенко-боец — он хочет новых инвестиций и вот получит наконец. В России стало много змиев, готовых слопать всех подряд, — и полетел в свободный Киев олигархический отряд.

Летят с осанкой гордых пэров, дабы зайти на круг второй, Бажаев, Костин, Алекперов, Рязанов, Дмитриев-герой, Кудимов, Юров, Дерипаска, Тахаутдинов, Баденков — солдаты старого запаса, герои ельцинских деньков! Летят, от радости растаяв, по зову нового божка А. Городецкий, Легостаев и Евтушенков (друг Лужка), Шевчук, Каданников, Макаров (куда судьба их занесла?!), и, в гордом блеске окуляров, Степаныч ** (в качестве посла).

А там, под небом бирюзовым, вблизи английского двора, стоят Гусинский с Березовским и говорят: «И нам пора!».

И снова власть они получают (и даже прессу, что важней) и ненавязчиво окучат невинных киевских вождей и все ресурсы, коих мало: поля, рабсилу, уголь, сталь... Читатель ждет уж рифмы «сало» — держи, читатель, мне не

---

* Российский союз промышленников и предпринимателей.

** Виктор Черномырдин.

жаль! Приятен киевским принцессам * москаль, когда москаль богат! И станет вновь рулить процессом олигархического отряд.

Мы знаем множество примеров, когда владели всей средой Бажаев, Костин, Алекперов, Рязанов, Дмитриев седой, Кудимов, Юров, Дерипаска, Тахаутдинов, Баденков — хоть их делам вредна огласка, мы знаем этих пареньков! Под стоны местных разгильдяев опять набьют по два мешка А. Городецкий, Легостаев и Евтушенков (друг Лужка), Шевчук, Каданников, Макаров — ведь Украина их спасла! И, в гордом блеске окуляров, Степаныч (в качестве посла).

«Какой урок вождям кремлевским! Какой свободный, гордый труд!» — Гусинский скажут с Березовским и чемоданы соберут.

Когда ж иссякнет все, что было, и истощится в энный раз демократического пыла неисчерпаемый запас, как на Руси, когда предстала она в печальной наготе; когда не станет даже сала, а только рифмы, да и те... Когда — от злости, от испуга ль — народ начнет кричать «Ганьба», когда растащат сталь и уголь, курорты, фрукты и хлеба, когда от рыжих революций, которым долгий век не дан, оставят лишь огрызок куцый да слово гордое «Майдан», когда, на радость инородца, все либералы прогорят, — тогда на Родину вернется олигархический отряд.

И с видом бравых офицеров опять вернуться в русский строй Бажаев, Костин, Алекперов, Рязанов, Дмитриев шустрой, Кудимов, Юров, Дерипаска, Тахаутдинов, Баденков (им скажут в Киеве: будьласка, не надо нам таких братков). Умчатся, Ющенко оставив у опустевшего горшка, А. Городецкий, Легостаев и Евтушенков (друг Лужка), Шевчук, Каданников, Макаров — все, чьим талантам нет числа. Плюс, в гордом блеске окуляров, Степаныч (в качестве посла).

А там, под дождиком московским, среди промозглой полутьмы, стоят Гусинский с Березовским и говорят: «А вот и мы!».

---

* Юлия Тимошенко.

ВЕРХИ ХОТЯТ

(Март 2005)

На днях случилась вещь сенсационная. Начав перед народом выступать, Лужков сказал, что революционная в России ситуация опять. В Кремле решили — нечего бояться там, а между тем в ближайшие года все может случиться, как в семнадцатом. А может, даже круче, чем тогда.

Все это глупо, может быть, по сути, но... Сегодня жизнь и вправду нелегка. Хочу сказать, что я на месте Путина уже насторожился бы слегка. Страна не может называться крепкою, коль смены власти жаждет хоть один гиперактивный человечек с кепкою на лысине, сияющей, как блин. Что сделаешь, давно живу на свете я. История украла мой покой. Давно, в начале прошлого столетия, один такой уже взмахнул рукой. Не бойтесь Абрамовича и Лисина, а бойтесь лишь того, кому дана приплюснутая кепочка. И лысина. И очень энергичная жена. На власти глядя, мучаюсь в тревоге я. Не то чтоб нам захватчики грозят, — зато видна прямая аналогия с творившимся столетие назад. Все партии мне кажутся бессильными, народ по духу — сущий троглодит, Госдума занимается мультфильмами (и скоро их успешно победит), в рядах интеллигенции — апатия, всеобщий страх заглядывать вперед... Кто первым скажет «Есть такая партия!», тот рухнувшую власть и подберет. Не нравится стоять на перепутье мне. Чувствительность моя обострена. Россия при Распутине и Путине — одна и та же, в сущности, страна.

Рассудочность Лужкова вне сомнений, но... Кто может знать, на что способен мэр? Я думаю, что он похож

на Ленина — отсутствием запретов, например. Когда-то все в войне решала конница, теперь же — лишь решимость и бабло. Успешен тот, кто меньше церемонится и может раньше засветить в табло. Их уровень сегодня — ниже скотского, народ готов на всяческую месть... Что, нет вождей? Кобзон сойдет за Троцкого. А не сойдет — так Церетели есть. Тут даже без оружия холодного возможно взять качнувшуюся власть — и в образе заступника народного на голову народную упасть. Всем олигархам дать под зад коленкою — пускай «Система» правит торжество, — и главное, что никаким Доренкою уже не остановишь никого! Один сегодня выход мне мерещится, достаточно спасительный на вид. Хочу вступить в лужковское «Отечество», когда Лужков его подобновит. Хочу флажком размахивать в азарте я, хочу валить смущенного врага... Когда он крикнет: «Есть такая партия!», я с места крикну радостно: «Ага!» Когда война окончится победою, падет последний вражеский редут — дадут ли пост в правительстве — не ведаю.

Но хоть квартиру в Митине дадут!

БАЛЛАДА О БЕДНОЙ АРМИИ

(Апрель 2005)

Украинская Рада обсудила возможность введения в стране легального откупа от армии. В России как раз начинается весенний призыв. Как выглядела бы откупная армия в российских условиях?

Пришла весна. Настал призыв. Мясистый военком, юнцам сурово погрозив, бряцает кошельком: — Сдавайте деньги, кто богат, — я дам вам белый билет! А тот, кто беден, — пожалте в ад, плясать строевой балет!» И кто богат — вернулся домой, птичье пить молочко, а тот, кто беден, — отправлен в строй, в казарму драить очко, и чистить поверхность краников медных, и старшим стирать хэбэ... О армия бедных, армия бедных! Легко воевать тебе.

Солдатская жизнь наперед размечена, занятия — нельзя тупей. Терять нам нечего, нечего, нечего, кроме своих цепей. В казарме им сказали: «Что ж! Держитесь, салажье. Кто беден — пусть берет штык-нож, патроны и ружье. Сперва он будет маршировать, чтоб дрогнули все враги, а после дедам заправлять кровать и чистить им сапоги. А кто побогаче, вам говорят, — сдавайте кто чем богат, и вас запихнут в кухонный наряд, а может — на тихий склад». И кто наскреб хоть сто рублей — в столовую повернул, а кто оказался и тут бедней — пошел стоять в караул, ногами тонкими в голенищах окрестных ворон смешаша. О армия нищих, армия нищих! Для нас и ты хороша. Мозоль засохла, нога подлечена, в желудке — пустые щи... Терять нам нечего, нечего, нечего, — Вселенная, трепещи!

Пришла война. Коварный враг напал на милый край. И командир промолвил так: «О рота, выбирай! Кто может сдать мне по рублю, по рублику хотя б, — того я крепко полюблю и командирую в штаб. А кто не может — пойдет в окоп, и пусть его вошь заест. Я всем обещаю бесплатный гроб, а также бесплатный крест». И кто наскреб хоть рупь, хоть пять — ушел с передовой, а кто победней, пошел воевать, рискуя головой. И после пары сражений трудных испуганный сдался враг — ведь армию скудных, армию скудных нельзя победить никак!

Терять нам нечего, нечего, нечего! Бояться ли нам огня?! Кого страна уже изувечила, тому и война — фигня.

Победа, граждане. Парад. Желанней нет поры. Над Красной площадью парят воздушные шары. Равняйся! Считайся на первый-второй! Врага поверг во прах живых скелетов жалкий строй в дырявых сапогах. А в небе Бог проводит смотр погибших на войне, и молвит у райского входа Петр: «Богатые, ко мне! Кто здесь хоть чем-нибудь богат, входите без затей, а тот, кто беден, — ступайте в ад собою кормить чертей. У нас тут тоже хозрасчет — гоните хоть рупь, хоть шесть. А то и крыша в раю течет, и ангелы просят есть...» И вот на райских холмах положили — те, кого Бог позвал, а самых убогих, самых убогих спустили в адский подвал.

Не плачь, шагая в адское печево! Россия — наша страна. Терять нам нечего, нечего, нечего! И пусть дрожит Сатана!

КОКА-КОМА

(Май 2005)

В Америке опять проснулся коматозник. Несчастливая семья изверилась вконец. Он был простой сержант, здоров, что твой колхозник, пожарник удалой, четырежды отец. Однажды он явил отвагу на пожаре, ударен балкой был (тому уж десять лет!) — и ровно десять лет врачи его держали в палате для таких, кому возврата нет. Недвижный и немой, лежал он на кровати. Порой к нему родня являлась на часок. «С ним можно говорить?» — врач отвечал: «Давайте», но он молчал в ответ, ударенный в висок. Второго мая вдруг вернулся он из комы, позвал к себе жену, детей расцеловал — и тотчас попросил бутылку кока-колы: врач все ему давал, а колы не давал!

Сбежалась пресса вся — тут есть на что смотреть им! Он хочет видеть всех. Врачи кричат: «Нельзя-с!»... Два года уж тому — году в две тыщи третьем, — такой же случай был, но в штате Арканзас. Поехал я тогда писать про арканзасца, про Терри Воллиса (поселок Мантин Вью). Он двадцать лет назад с друзьями нализался, сначала громко пел, подобно соловью, в отцовский грузовик потом полез с друзьями, кататься захотел — и полетел с моста. Он три часа лежал в пятиметровой яме и в кому впал потом (друзьям же — ни черта). Он двадцать лет лежал недвижно в Арканзасе, врачи отчаялись, не прилагали сил, уже и дочь его была в десятом классе... Как вдруг очнулся он — и колы попросил!

Есть что-то странное в таком пристрастье к коле. Воистину, она у штатовцев в крови. Поэтому, когда они в глубокой коме не слышат ни кого (хоть в рупор их зови),

когда они в бинтах от пяток до затылка лежат и видят сны, не мысля, не скорбя, — им чудится во сне заветная бутылка, и просят лишь о ней они, придя в себя. Потом им вспомнятся причастия, глаголы и прочие слова, но первые — о ней. Быть может, это все реклама кока-колы... Но я же видел их, очнувшихся парней! Я вообще люблю счастливые исходы. Мне нравится, когда пожарник или шофер, в неведомой стране пространствовавший годы, очнулся и семье объявляя распростер! Надеюсь, медики простят меня, невежду, коль честно я скажу (хоть правда не в чести): когда гляжу вокруг, лелею я надежду, что может полутруп в сознание прийти!

Моя любимая лежит сегодня в коме. Никто ее пока в сознание не вернул. Примерз Владивосток, и еле дышит Коми, и, кажется, покрыт коростой Барнаул, окраины горят и тихо отпадают, конечности гниют тому уж двадцать лет... «Опомнись! Отзовись!» — все родичи рыдают и пробуют будить, но им ответа нет. Варили кашу ей и за нее жевали... «Очнись! Ограбят ведь!» — орали сыновья. Теперь не знаю сам — жива ли, не жива ли... любил ли я ее — или это бредил я... Боюсь, что даже врач, тупой, как жук-навозник, не лечит бедную, а яд вливает в грудь... Но если в Штатах вновь очнулся коматозник — то, может, и она очнется как-нибудь?

Откроет правый глаз, потом поднимет брови, припомнит, кто она, увидит белый свет...

Но вместо колы, блин, опять захочет крови.

Любимая моя, не просыпайся, нет!

РУКА МОСКВЫ

(Май 2005)

Когда, слетев из поднебесной выси, с Саакашвили обнимался Буш; когда внимал восторженный Тбилиси беседе этих двух высоких душ; когда тбилисцы радостно решили, что лидеры на дружеской ноге, когда уже сказал Саакашвили — «Мы лучший ваш партнер из СНГ!» (как если бы уже вторая Джорджия желала влезть под бушево крыло), и нежно скалясь, словно Цезарь Борджиа, на это Буш сказал ему «Hullo!» — и радостно добавил «Гамарджоба!», причем народ от счастья закричал, — когда публично обнимались оба и хлопали друг друга по плечам; когда уже пропел грузинский лидер, что всем грузинам вольность дорога, и счастлив он, что наконец увидел Эвксинский Понт свободным от врага, что он накрыл свободой, точно сетью, Абхазию, Аджарию и проч., и накрывает Южную Осетию (но в этом просит несколько помочь); когда он восторгнулся блоком НАТО и тут же захотел туда войти, — тогда внезапно шлепнулась граната от президентов метрах в тридцати.

На площади случилась потасовка. Охранники утратили покой. Всем как-то стало несколько неловко: ведь тут же гость, и главное, какой! Рыдала Бурджанадзе безутешно, и президенту было не смешно: она была учебная, конешно, но если б не учебная, то што?! Ведь на охрану чуть не разорились, ведь красили газоны чуть не год, ведь, кажется, почти договорились, что Грузия теперь — маяк свобод... И тут граната, батюшки, граната! Подумайте, в кого могло попасть! Откуда-то упала-то она-то — в стране, где так ужасно любят власть? Возможно, были зрите-

ли поддаты? А может, сам батано Михаил велел толпе кидать ему гранаты *, но объяснить, какие, — позабыл? Никто не знает. Так или иначе, грузинам омрачили торжества, и нынче в каждой третьей передаче там говорят, что это все Москва.

Вот тут я рад. Вот тут бровей не хмурю. Восстал из праха русский исполин! Вы снежную свою недавно бурю — и то Москве приписывали, блин. Да, это наша, русская граната, ее подбросил Путин, мой кумир, а что не взорвалась она, ребята, — так это потому, что мы за мир. Мы тянем наши щупальца по свету, в карманы залезая и в умы. И ежели в Тбилиси газа нету и денег нет, так это тоже мы! Уж очень нам обидно, что грузины любезны всем, а нам никто не рад. Мы на корню сгноили мандарины, внедрили филлоксеру в виноград, нагнали туч, взбесили буйный Терек, насыпали кавказские хребты — все для того, чтоб гости из Америк не оценили местной красоты!

И если будет что у вас неладно, и если в чем не преуспели вы, — допустим, слишком жарко, иль прохладно, иль дождь, — валите на руку Москвы. Вам это все равно, а нам приятно. На нас грешите: мы перенесем. Хотя величье наше невозвратно, мы любим быть виновными во всем. Погода, пьянство, кризисы, гранаты — во всем мы будем вечно виноваты по главному закону естества...

Саакашвили, правда, — это Штаты.

Но остальное, граждане, — Москва!

---

* Такой есть фрукт.

ВЕЧНЫЙ ПРИГОВОР

(Май 2005)

Третий день подряд в суде Мещанском «Юкосу» читают приговор, явно собираясь дать несчастным все, чего попросит прокурор. У порога зданья зреет смута, там звенят протестов голоса... С приговором тянут почему-то и читают в день по три часа. Первой место занимает прессы в семь утра бегут, не чуя ног (привлекать такого интереса вольный Ходорковский бы не мог!). Далее приходят протестанты (правда, их не слишком много там), напрыгают пылкие дисканты и кричат обидное ментам. Чуть позднее, уже приняв полбанки, вслед спешат другие протестантки: «Путин, защити нас от Иуд!» («Коммерсантъ» писал, что на Лубянке лозунги специально выдают.)

Как я рад, ребята-протестанты, что Лубянка проявляет прыть, сутками рисуя транспаранты, вместо чтоб кого-нибудь ловить!. Ложка, как вы знаете, к обеду, а процесс печатанья нескор... В общем, я пишу все это в среду, и его читают до сих пор; вам доставят номер в понедельник, но боюсь, что даже и тогда Ходорковский и его подельник будут киснуть в здании суда.

Не боюсь сравниться с Пастернаком (он был гений, но и я талант), все-таки кусок уж больно лаком из его поэмы «Лейтенант Шмидт». Давно написано, но мы-то до сих пор остались в той стране (правда, Ходорковскому до Шмидта дальше, чем до Пастернака мне):

«Чтение, несмотря на то, что рано или поздно, сами, будет день, сядут там же за грехи тирана в грязных кло-

чьих поседелых пасм. Будет так же ветрен день весенний, будет страшно стать живой мишенью, будут высшие соображенья и капли вешней дребедень. Будут схватки астмы. Будет чтение, чтение, чтение без конца и пауз».

Можете назвать меня поэтом, можете фантастом не беда. Я какой-то выход вижу в этом. Пусть его читают им всегда. Пусть герои выйдут на свободу, можно под подпisku, — все пустяк), служат, чем получится, народу (можно хоть на прежних должностях). Мне уже внушили однозначно адвокаты их за пару лет, что у них настолько там прозрачно... Да уж и «Юкоса»-то нет... Но пускай приходят ежедневно в здание Мещанского суда, где судья, как спящая царевна, втиснутая в кресло навсегда, дав отлуп пронырам-журналистам, открывает толстый пыльный том и читает вечный скорбный лист им: «Вы виновны в том, и том, и том»... Ходорковский, сгорбленный и старый, Лебедев (седины, борода)... Ведь для них бы самой страшной карой было каждый день ходить туда! И за бесконечные недели (в сутки три часа за столько лет) как-нибудь они бы насидели столько, сколько в кодексе-то нет... А на время чтения протестанты тоже обретают смысл в борьбе (им ведь безразличны арестанты, им бы только нравиться себе!). Даже если небо прохудилось, даже если шторм дудит в дуду все бы наше общество сходилось к вечному Мещанскому суду. Все бы были там. Как кровь в Граале, иль, точнее, как вампир в гробу. И по три часа бы в день играли в правосудье, в общество, в борьбу. Старые плакаты бы сгодились (ведь Лубянка пишет на года!). А потом бы снова расходились, чтоб назавтра снова у суда..

Сколько головы я ни ломаю, — изучение дела мне претит: все равно я мало понимаю в приключениях фирмы «Апатит». Пусть же суд совсем не даст ответа! Пусть вовек не кончится! Виват! Ведь пока судья читает это все еще никто не виноват. Пусть он длится долгие недели, пусть он длится годы, этот суд! Ибо в это время все при деле: судьи там, и население тут.

ПОСЛЕСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Так получилось, что с 1996 года я почти не читаю бумажных изданий, ограничиваясь информацией в Интернете. Потому не сразу заметил, что мой друг Дима Быков расширил свои и без того необъятные жанровые способности до написания поэтических сатир, которые, на мой взгляд, часто бывают блестящи.

Само собой, когда я почувствовал и узнал, что число этих стихов таково, что из них вполне можно составить довольно объемную книжку, я предложил ему сделать это.

И вот вы ее прочли.

Не правда ли, она прекрасно освежает политическую память, делая это с легкостью и изяществом, которые трудно предположить в авторе, если смотреть на него издали. Но подойдя к поэту ближе, замечаешь, что он действительно подвижен и ярок, как ртуть, только ртуть большая.

Это та капля ртути, которая, как известно, убивает лошадь. Тем более, что капле ртути ничуть не труднее убить лошадь, чем капле никотина, а даже гораздо проще.

В данном случае здесь целый табун лошадей, с которыми Быков справляется, как тореадор с быком, да позволяют мне этот каламбур.

А если говорить серьезно, хотя говорить серьезно после такой веселой книжки не хочется, то я никогда не издал бы ее, будь передо мною просто политическая сатира, ибо сам я весьма аполитичен и с трудом различаю цвета на политических знаменах, путаю Сосковца с Починком, а последнего еще и с Дерипаской, о котором вообще ничего не знаю. Но я ценю в этих стихах прежде всего великолепный русский язык, которым они написаны — естественный, гибкий, озорной, вольный, играющий всеми красками. По-моему, у нас нет сейчас поэта, владеющего

поэтическим языком в такой превосходной степени. Поэта, передающего мельчайшие смысловые оттенки с такой легкостью, что кажется, что ему это ничего не стоило.

А ему это действительно ничего не стоило в смысле техники и даже, уверен, времени. Но за этими «стихами на случай», равно дразнящими и обывателя, и олигарха, стоят и горячие журналистские будни Быкова, бросающие его из Беслана в Киев, а оттуда в Америку, и его поразительная осведомленность обо всем на свете, и телеэфир с теледебатами, и просто потребность участвовать в жизни страны на ее очередном «великом переломе».

А наломали мы за отчетный период немало, как вы только что убедились, прочтя эту великолепную книгу.

Александр Житинский

Содержание

От автора	3
ОДА ГОДА	8
УБЕЖЕНЦЫ	10
СТАРИК БЕРЕЗОВСКИЙ	12
ОДА НА ВОССОЗДАНИЕ СССР	14
ДУЭТ	16
ПОЖАРНЫЙ СЛУЧАЙ	18
ЮБИЛЯР	21
КРИЗИС В ГОЛОВЕ	23
ИСКУШЕНИЕ	25
ЖЕСТКИЙ КУРС	27
ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ОДА	29
БИТВА ТИТАНОВ	31
И НЕМЦОВ!	34
НОВАЯ РУССКАЯ ИДЕОЛОГИЯ	36
НЕРАЗДЕЛЕННОСТЬ	38
КРОВАВЫЕ БУТЕРБРОДЫ	41
ПЕСОЧНИЦА	44
ИНСПЕКТОР РОБЛЕС	47
ИНАУГУРАЦИОННЫЕ ФАНТАЗИИ	50
БЕЗ СЛОВ	52
ВЫСШИЙ СУД	54
НАКАЗАННОЕ КОРЫСТОЛЮБИЕ, или БЛУДНЫЙ ОТЕЦ	56
ЮБИЛЕЙНОЕ	59
17 МИГОВ ЗИМЫ	61
АБЫРВАЛГ	63
СТАРЫЙ «МИР»	64
РАЗБОР ПРОЛЕТОВ	66
СДАЧА	69
ПОМИДОР	72
GOD SAVE AMERICA!	74
АЙ, МОЛОДЦА!	76
ПАРА КРУТЫХ	78
РАБ ЛЮБВИ	81
БЕЗ ПРИЗОРА	83
ПОДАВИВШИЕСЯ ЛИМОНОМ	85

БАЛЛАДА О ДВУХ ОТПУСКНИКАХ	87
ПАНКИССКАЯ БАЛЛАДА	89
ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ПЕСНЬ	91
СВЯТОЙ БОРИС	93
ЛУЖКОВА КОЗА	95
ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ	97
ШЕЙХ МУХАММАД	99
ТАЙНА ПОЛА	101
О, ИЛЬХАМ!	103
ПОСЛАНИЕ К ИРИНЕ ХАКАМАДЕ, ...	105
ДОВЕРЕННАЯ	107
ПАРДОН!	109
КАКОЙ ТЫ!	111
ЮБИЛЕЙНЫЙ РАЗГОВОР С ТОВАРИЩЕМ АНДРОПОВЫМ	114
ПОДПОЛЬЩИК ЕЛЬЦИН	116
БЕЛБАШИ	118
ШЕРШЕ ЛЯ ТИМОШЕНКО	120
ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ВЛАДИМИРЕ	123
РАСЧИСТКА	125
РАЗДАЧА	127
АРАФАТ АКБАР	130
ЗЕЛЕНЫЙ ДРУГ	132
ИГЛЕ И КУРНИ	134
ЗАДЕРЖАНИЕ	136
ИНАУГУРАНТ БУШ	141
НАЗНАЧЕНО!	143
МИША-ОППОЗИЦИОНЕР	145
НЕПРАВИЛЬНАЯ ПОБЕДА	148
БЛАГОДАРНОСТЬ	150
КВОТНИЦЫ	152
ВАШИХ НЕТ	154
ЖИВОЙ ТРУП	156
ПРИГЛАШЕНИЕ	158
ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ	160
ВЕРХИ ХОТЯТ	162
БАЛЛАДА О БЕДНОЙ АРМИИ	164
КОКА-КОМА	166
РУКА МОСКВЫ	168
ВЕЧНЫЙ ПРИГОВОР	170
Послесловие издателя. А. Житинский	172

Дмитрий Быков

Письма счастья
Политические сатиры

Корректурa авторская
Редактор А. Житинский
Верстка Е. Мининой
Оформление В. Камаева

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98
Подписано в печать 18.05.05. Формат 108x84¹/₃₂
Гарнитура FrizQuadrata. Печ. л. 11
Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ООО «Типографии АВЕРС»
197101, Санкт-Петербург, Сытнинская пл., 5/7
E-mail: info@helicon.spb.su
<http://www.helicon.spb.su>

Поэт, прозаик, журналист,
телеведущий Дмитрий Быков
выступает в этой книге
с собранием поэтических сатир,
которые публиковались им
в журналах «Огонек» и «Собеседник»
на протяжении 1996–2005 гг.

ISBN 5-93682-219-2

9 785936 822193